

Світлопечать С. В. Кульженко, Київ.

Прудъ въ Яновщинѣ (Васильевкѣ).

На родинѣ Гоголя¹⁾.

І. Диканька.

Дѣло прошло и наступила осень 1831 года. На западѣ Россіи бушевало море возстанія, то затихая, то подымаясь съ новою страшною силою, а въ мірѣ литературномъ все еще продолжалось обычное для лѣта и переходной поры затишье, еще болѣе усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ лучшіе умы образованнаго общества были устремлены на западъ; всѣхъ занималъ роковой для того времени вопросъ: „Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ“? И въ то время какъ одни мечтали о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русское море, другіе были убѣждены въ несбыточности этихъ мечтаній и ждали рокового исхода.

Трудно и тяжело выступать въ такое время юному писателю: слишкомъ большой талантъ нуженъ для того, чтобы оживить, заставить встрепенуться общество, занятое иными интересами, иными вопросами. Но произошло нѣчто неожиданное: точно лучъ солнца, прорѣзывающій свинцовыя тучи и сообщающій радость и веселье всему окружающему, явилась книжка: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, въ которой веселый балагуръ, Рудый Панько, заговорилъ совершенно инымъ, чуждымъ тому времени языкомъ. Онъ переносилъ читателя изъ мрачнаго сѣвера въ благословенную Малороссію, знакомилъ его съ дьячкомъ Диканьской церкви, Ѳомою Григорьевичемъ, занимательнымъ рассказчикомъ, который ходитъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна цвѣта застуженнаго картофельнаго

¹⁾ Настоящая статья составлена изъ замѣтокъ, напечатанныхъ раньше въ „Кіевской Газетѣ“ 1901 г., но съ исправленіями и дополненіями (Прим. автора).

киселя, и, наконецъ, убѣдительно приглашаетъ всѣхъ къ себѣ на хуторъ близъ Диканьки, общая угостить дынями, медомъ, пирогами, грушевымъ квасомъ и путрей съ молокомъ!

„Да, вотъ было и позабылъ самое главное—такъ говорилъ Рудый Панько—какъ будете, господа, ѣхать ко мнѣ, то прямехонько берите путь по столбовой дорогѣ на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора; про Диканьку же, думаю, вы слышали въдоволь!“ А между тѣмъ, можно сказать съ увѣренностью, что очень немногіе поинтересовались заглянуть въ этотъ счастливый уголокъ, но тѣ, кому удалось побывать въ немъ, на всю жизнь сохраняютъ самыя лучшія воспоминанія, хотя бы взоръ ихъ ласкали впослѣдствіи швейцарскіе ландшафты, или поражали могучіе гиганты Кавказа.

Еще въ 1828 году, когда Пушкинъ подарилъ Россіи „Полтаву“, многіе съ упоеніемъ твердили страстныя признанія Маріи Кочубей, многіе съ жаромъ читали сцену въ темницѣ и повторяли слова Орлика: „Мы знаемъ: не единый кладъ тобой въ Диканькѣ укрываемъ“,—и воображеніе уносило читателя въ Малороссію, гдѣ звѣзды блистаютъ какъ-то особенно, гдѣ чарующая ночь вдохновляетъ самую черствую натуру, гдѣ на заснувшихъ прудахъ, окруженныхъ высокимъ камышемъ, спокойно расцвѣтаютъ бѣлыя водяныя лиліи, великолѣпныя королевы украинскихъ водъ... Сидишь на берегу пруда и ждешь: вотъ, вотъ раздвинутся камыши, и безумная Марія съ распущенными черными волосами, точно змѣи, ниспадающими по плечамъ, предстанетъ, освѣщенная луной... Но все тихо, лишь изрѣдка ночная птица своимъ пронзительнымъ, непріятнымъ крикомъ нарушитъ тишину ночи...

Какимъ раемъ представлялась Малороссія обитателямъ холодного, сырого и негостепріимнаго Петербурга! какъ всѣ душою стремились туда, какъ любили всѣ ее! Но любовь эта была чисто платоническая: идеализуя благословенную страну, каждый въ то время могъ воскликнуть подобно А. Толстому:

„Ты знаешь край, гдѣ все обиліемъ дышетъ,

Гдѣ рѣки льются чище серебра,

Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,

Въ зеленыхъ рощахъ тонутъ хутора...

—и только.

Могли, впрочемъ, еще добавить, что въ томъ краю ранней весною изъ цвѣтовъ плететь вѣнокъ чернобровая Маруся, да старый Грыцько порою затынетъ полную грустной поэзіи пѣсню про старину... Дальше этого не шли. Но прошло около трехъ лѣтъ, и новый міръ открылся читателю, міръ, полный поэтической фантазіи, трогательныхъ, грустныхъ и веселыхъ преданій на фонѣ роскошной украинской природы. То вдругъ передъ взоромъ читателя встаетъ козакъ-гуляка, играющій съ чертами и вѣдьмами „въ дурни“, чтобы возвратить пропавшую грамоту, и невольно остановишься на этой своеобразной картинѣ, полной здороваго юмора. Это какая-то Вальпургіева ночь на украинской почвѣ! То рисуется иная картина, нѣжная, высокопоэтическая.

Что, покажется иному, значить Германъ и Доротея, въ сравненіи съ Левкомъ и Галею въ „Утопленницѣ“...

„Посмотри, посмотри!“—говорила она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, завѣшенное внизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ. „Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая... Не правда-ли, вѣдь это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко?... Что если бы у людей были крылья, какъ у птицъ,—туда бы полетѣть высоко-высоко... Ухъ, страшно. Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ, однакоже, что есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ свѣтлымъ праздникомъ“...

Въ этомъ наивномъ лепетѣ раскрывается поэтическая душа человека; въ этой попыткѣ объясненія тайнъ природы видна фантазія, способная создавать образы, какіе мы встрѣчаемъ въ греческой мифологіи. Эти дивные образы разбудили общество и воскресили въ немъ чувство природы, а съ нимъ вмѣстѣ и чувство жизни; такъ щебетанье птички напоминаетъ узнику о родныхъ поляхъ, и онъ, позабывшій, что значить весна, родные поля и луга, разрываетъ цѣпи и стремится туда, въ тотъ край, о которомъ щебетала птичка.

Извѣстно, что природа является однимъ изъ важныхъ факторовъ въ народномъ творествѣ и сообщаетъ колоритъ всей народной фантазіи: холодомъ вѣетъ отъ сказаній, рожденныхъ на сѣверѣ, и ароматъ теплой

ночи чувствуется въ разсказахъ Панька-Гоголя; созданные на хуторѣ, близъ Диканьки, эти послѣдніе отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, окружающую природу. Дѣло въ томъ, что не пустой произволь руководилъ нашимъ писателемъ дать именно такое названіе своему сборнику. Диканька по многимъ причинамъ была очень хорошо извѣстна всему семейству Гоголей и, можетъ быть, не одинъ вечеръ пришлось провести нашему писателю подъ тѣнью вѣковыхъ дубовъ, слушая разсказы стариковъ-пасѣчниковъ, а то и самого дядька Диканьской церкви. Вспомнимъ также, что имя Николай дано Гоголю въ честь чудотворнаго образа св. Николая, что въ великій постъ мать Гоголя часто прѣзжала со своимъ семействомъ въ Диканьку говѣть. Все это придаетъ еще большій интересъ этому мѣсту.

Къ тому же минуло семьдесятъ лѣтъ со времени появленія „Вечеровъ“, и оканчивается пятидесятилѣтіе со дня смерти нашего великаго писателя. Образованная Россія готовится праздновать этотъ день такъ, такъ три года тому назадъ праздновала „Пушкинскіе дни“. Поэтому мы считаемъ возможнымъ подѣлиться съ читателями впечатлѣніями, вынесенными изъ посѣщенія украинскихъ уголковъ, такъ тѣсно связанныхъ съ именемъ нашего поэта, и первымъ изъ нихъ является Диканька.

Лѣто 1899 года я проводилъ въ одной малороссійской деревнѣ, подъ Полтавой. Я нашелъ себѣ товарища, естественника, и съ нимъ вмѣстѣ мы рѣшили совершать экскурсіи по Полтавщинѣ, онъ—съ цѣлью изучать флору, я—любоваться природой. Много прекрасныхъ мѣстъ пришлось намъ видѣть, много дивныхъ ночей пришлось намъ провести подъ открытымъ небомъ, но ночь въ Диканьскомъ лѣсу своей чарующей обстановкой обворожила меня; она раскрыла мнѣ тайну поэзіи малорусской природы, и я понялъ прелесть той ночи, которую восхищался Гоголь.

Солнце скрылось за лѣсомъ, когда мы подходили къ триумфальнымъ воротамъ, стоящимъ у самой дороги, при входѣ въ Диканьскій лѣсъ. Оригинальное впечатлѣніе производитъ дорическій стиль воротъ на фонѣ малорусскаго ландшафта, да и дѣйствительно, трудно себѣ представить стройнаго Ахилла въ обществѣ удалого чубатаго запорожца; контрастное сочетаніе стилей заставило насъ остановиться на мгновеніе и отдаться первому впечатлѣнію. Четыре стройныхъ колонны съ аркой образуютъ одинъ главный и два боковыхъ входа, надъ которыми вдѣланы барельефы, съ изображеніемъ греческихъ триумфальныхъ колесницъ; надъ главнымъ

входомъ надпись: „Въ память посѣщенія Его Величествомъ, Императоромъ Александромъ I, августа 3 дня, 1820 года“. Вѣковые дубы протянули свои могучія вѣтви, точно стараясь скрыть отъ прохожаго ворота, и, образуя густо-зеленый фонъ, еще рѣзче выдѣляли бѣлизну колоннъ. По обыкновенію, все испещрено надписями самаго разнообразнаго характера: это посѣтители, почетные и непочетные, оставляли память о своемъ пребываніи въ Диканькѣ. Здѣсь есть и трогательныя фразы, въ родѣ: „Прощай, счастливый уголокъ, спасибо тебѣ, не забуду тебя до смерти“ и т. д.; есть и стихи. Очень кстати чья-то, вѣроятно женская, рука нацарапала пятистишіе изъ Надсона:

„Путникъ, путникъ, ко мнѣ! Ты такъ долго страдалъ,—

Прочь-же черныя призраки горя:

Я навѣю тебѣ лучезарныя сны!

Отдохни на груди ароматной весны

Въ тихомъ лонѣ зеленого моря!“

Мы тоже были путники, да къ тому же еще и усталые; „отозвавшись на зовъ наслажденія“, мы прошли чрезъ ворота, и сразу насъ окутала какая-то таинственная темнота многовѣкового густого лѣса; сырость, оставшаяся послѣ недавняго дождя, еще не успѣла испариться, и въ воздухѣ носился острый запахъ лѣсныхъ грибовъ. Скоро дубы смѣнились стройными, высокими кленами, растущими по краямъ дороги. Мы узнали, что эта дорога ведетъ ко дворцу Кочубеевъ, а второй поворотъ влѣво приведетъ насъ къ церкви св. Николая ¹⁾. Мы пошли по направленію къ церкви.

Вечерня уже отошла давно; странники и богомольцы группами расположились на полянѣ, передъ церковью, и, развязавъ свои сумки, совершали скромный ужинъ; размоченные въ водѣ черствые сухари, сухая тарань, да гречневая лепешка—вотъ и вся ихъ убогая пища; всѣ ѣли медленно, тихо и даже какъ-то торжественно; лишь старики, шамкая и жуя беззубыми челюстями размоченный хлѣбъ, позволяли себѣ говорить полушопотомъ; у одной группы странникъ-попрошайка, обнаживъ свою плѣшивую голову и съ аппетитомъ закусывая хлѣбъ таранью, кости ко-

¹⁾ Дорога къ церкви св. Николая слыветъ подъ именемъ Николаевской, конечно, отъ храма въ честь св. Николая. Есть еще аллея Александровская, вѣроятно въ память посѣщенія Императоромъ Александромъ I.

торой только трещали на здоровых зубах „Божьего человека“, отрывисто, окаяющим говоромъ, повѣствоваль „о нѣкоемъ чудѣ и знаменіи“. Старухи слушали его со вниманіемъ, уставя глаза на рассказчика и не переставая жевать хлѣбъ; старикъ вынулъ-было оправленную мѣдью люльку и кисть, намѣреваясь закурить, но, вѣроятно, вспомнивъ, гдѣ онъ находится, положилъ ихъ обратно, крикнулъ, перекрестился и, обернувшись лицомъ къ церкви, сталъ молиться. Дрожація губы неслышно шептали слова молитвы, а руки машинально укладывали въ сумку хлѣбъ и остатки рыбы. Мы разостлали плащи и прилегли возлѣ этой группы.

Наше присутствіе было замѣчено; странникъ взглянулъ на насъ своими хитрыми глазами и понизилъ тонъ разсказа. Но до насъ всё-таки долетали слова его разсказа, изрѣдка прерываемаго вздохами и причитаніями слушателей.

А между тѣмъ незамѣтно наступала ночь, настоящая украинская ночь, которою восхищались въ свое время и Пушкинъ и Гоголь. Поляна, съ трехъ сторонъ окруженная старымъ густымъ лѣсомъ, была залита фосфорическимъ свѣтомъ луны; группы странниковъ, живописно расположенныхъ подъ открытымъ небомъ, выдѣлялись темными пятнами на почти бѣлой равнинѣ; церковь блистала бѣлизной своихъ стѣнъ и колоннъ, и золотой крестъ горѣлъ въ вышинѣ. Я сталъ созерцать эту чудную ночь. Луна вскорѣ скрылась за деревья; потемнѣло; въ кустахъ засвѣтились свѣтляки; ихъ волшебный свѣтъ то здѣсь, то тамъ мелькалъ въ лѣсной чащѣ... чу, полились какіе-то звуки... зазвенѣли тихо струны, сначала робко, потомъ смѣлѣе и громче... Да не сонъ ли это? нѣтъ, это дѣйствительность... Это бандуристъ; онъ настроилъ свою бандуру и задумчивымъ, горловымъ теноромъ затянулъ печальный кантъ, сопровождая пѣніе аккомпаниментомъ на бандурѣ, созданной для глубокихъ, печальныхъ думъ, какими богата малорусская поэзія... „Про-о-славимо Никола-а-ая, Никола-а-я...“ дальше было трудно разбѣреть слова, да мы и не особенно слѣдили за ними...

Великолѣпіе всей обстановки поражало и вдохновляло: эта, уже темная, ночь съ переливающимися звѣздами; лѣсъ, страшный темный лѣсъ, протягивающій свои могучія руки-вѣтви... Это та ночь, которую Гоголь рисуетъ въ „Майской ночи“. Только видѣвшій, прочувствовавшій эту ночь можетъ описать ее, оттого-то описаніе ея у Гоголя такъ прекрасно... „Божественная ночь! Очаровательная ночь! Неподвижно, вдохновенно стали

лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя... Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ! Божественная ночь! Очаровательная ночь!“

Голоса стали понемногу стихать, только возлѣ бандуриста слышалось тихое пѣніе: нѣсколько голосовъ подтягивало старику. Гармоничное жужжанье подъ легкій переборъ звящихъ струнъ успокоительно дѣйствовало на душу. Лишь изрѣдка сильное похрапыванье разрушало иллюзію: это „Божій человѣкъ“, подложивъ подъ шею небольшую сумку и закинувъ назадъ голову, безмятежно спалъ. Для него не существовало поэзіи...

Близило къ разсвѣту, когда мы вздремнули; но когда мы проснулись, солнце было высоко, и возлѣ насъ было пусто. Всѣ ушли...

Цѣлый день мы посвятили осмотру достопримѣчательностей Диканьки и первымъ долгомъ осматривали церковь, внутренность которой поразила насъ серьезностью общаго тона; это не была обыкновенная деревенская свѣтленькая церковь: стѣны расписаны хорошо и, вѣроятно, въ недавнее время; иконостасъ темно-коричневый орѣховый съ золотомъ; справа находится чудотворный образъ св. Николая, въ серебряномъ окладѣ; передъ нимъ множество лампадъ и свѣчей.

Этотъ образъ имѣетъ прямое отношеніе къ Н. В. Гоголю, и мы приведемъ слова Кулиша по этому поводу: „Можетъ быть, будущему биографу Гоголя будетъ полезно знать, для какихъ-нибудь соображеній, что мать Гоголя имѣла двоихъ дѣтей до его рожденія, но они являлись на свѣтъ мертвыми. Поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она переѣхала въ Сорочинцы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій. Между прочимъ она дала обѣтъ, если родится у нея сынъ, наименовать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Родители Гоголя просили священника с. Диканьки молиться до тѣхъ поръ, пока дадутъ ему знать о счастливомъ событіи и попросятъ отслужить благодарственный молебенъ“.

Передъ образомъ лежали приношенія благочестивыхъ поселянъ: куски холста, полотенца, хлѣбъ и даже сахаръ.

Въ церкви-же, у стѣны направо, сооруженъ прекрасный кіотъ изъ чернаго и бѣлаго мрамора въ память одного изъ князей Кочубеевъ. Хоры находятся въ самомъ куполѣ и, благодаря прекрасному резонансу и пра-

вильно организованному небольшому хору, богослуженіе въ церкви производить вообще прекрасное впечатлѣніе...

Здѣсь же, при церкви, помѣщается усыпальница владѣльцевъ, за-полненная роскошными вѣнками надъ мраморными плитами...

Съ кровли храма открывается прекрасный общій видъ на площадь, гдѣ мы провели ночь, на колокольню и простирающіяся за нею поля.

Послѣ осмотра церкви мы пришли къ знаменитому дубу—гиганту, которымъ заслуженно гордится Диканскій лѣсъ; на краю лѣса, у самой Полтавской дороги, широко раскинувъ свои вѣтви, изъ которыхъ каждая стобитъ цѣлаго дерева, гордо и величественно стоитъ этотъ вѣчный дубъ—краса Украины.

Чтобы судить о его величинѣ, достаточно замѣтить, что на высотѣ человѣческаго роста окружность его равна $12\frac{1}{2}$ аршинамъ или четыремъ обхватамъ взрослого чловѣка. Этотъ вѣчный дубъ можетъ рассказать намъ многое: подъ тѣнью его вѣтвей, по мѣстному преданію, юная Марія, героиня Полтавы, слушала страстные признанія старика Мазепы; дубъ слышалъ тихія лобзанья этой влюбленной пары, онъ одинъ былъ свидѣтелемъ этого рѣдкаго романа; но кто разгадаетъ, о чемъ шепчутъ его листья... Онъ, царь лѣсовъ, принималъ подъ свою тѣнь русскаго царя, Александра I, онъ видѣлъ нашего поэта, Н. В. Гоголя.

Долго мы любовались этимъ великолѣпнымъ дубомъ, его величественной, царственной красотой, но насъ ожидало еще многое, и мы поспѣшили ко дворцу. Студенческая шапка сослужила намъ службу, насъ допустили во дворецъ и показали достопримѣчательности. Мы имѣли возможность увидѣть много цѣнныхъ историческихъ предметовъ: фамилныя рукописи и евангеліе, рубаху, въ которой былъ казненъ Кочубей, и мн. др. Интересенъ разсказъ, будто жена одного священника, ожидая пріѣзда архіерея и не желая, чтобы его преосвященство смотрѣлъ на кровавыя пятна, рѣшила смыть ихъ; теперь, вмѣсто крови, видны лишь какія-то пятна... Когда солнце клонилось къ западу, мы, собравъ свои походныя принадлежности, вышли изъ воротъ, бросивъ послѣдній взглядъ на Диканьку, которая подарила намъ столько хорошихъ мгновеній. Прости, гордый лѣсъ, и ты, живописная поляна, и ты, красавецъ-дубъ! Какъ легко, какъ весело было у насъ на душѣ, и сколько дорогихъ образовъ проносилось въ воображеніи: вотъ дубъ, подъ дубомъ Панько, Тома Гри-

горьевичъ и прѣзжій паничъ; а вотъ и вдохновенный Гоголь стоитъ, опершись спиною о стволъ развѣсистаго дуба, и глядитъ вдохновенными очами на всю эту группу... Да, поистинѣ это чудный, поэтический уголокъ!

II. Яновщина-Васильевка.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ Диканьку, и вотъ мнѣ снова пришлось быть въ тѣхъ мѣстахъ; но на этотъ разъ не Диканька, со своими вѣковыми дубами привлекала меня, а Васильевка—родина Н. В. Гоголя, съ живописными прудами, съ заглушимъ садомъ и живыми лицами, близко стоящими къ нашему поэту.

Есть такія лица и мѣстности, которыя должны быть извѣстны всякому образованному человѣку, и не знать ихъ можно прямо таки считать непозволительнымъ. Всѣмъ намъ дорого имя Пушкина, и неразрывно съ нимъ связано село Михайловское, съ небольшимъ домикомъ, въ которомъ онъ жилъ со своею нянею, съ безконечнымъ прудомъ и тремя соснами, стоящими на границѣ владѣній дѣдовскихъ. Мы повторяемъ описаніе этого уголка, припоминая выученное въ дѣтствѣ стихотвореніе „Опять на родинѣ“; но сколько написано воспоминаній, сколько извѣстно снимковъ, картинъ! Какъ талантливо воспроизвелъ знаменитый художникъ, оставившій слѣдъ въ русскомъ искусствѣ, Ге, одинъ изъ моментовъ жизни Пушкина въ Михайловскомъ! Благодаря всему этому оно стало для насъ чѣмъ-то близкимъ, роднымъ, какъ и самъ Пушкинъ.

Мы думаемъ что и все то, что такъ тѣсно связано съ именемъ Н. В. Гоголя, должно быть также близко сердцу тѣхъ, для кого дорого имя поэта. На этомъ основаніи мы желаемъ и здѣсь подѣлиться съ читателями тѣми впечатлѣніями и воспоминаніями, какія вынесли мы изъ посѣщенія родины поэта, тѣмъ болѣе, что намъ удалось собрать много новаго и интереснаго касательно самого поэта и его отношеній къ окружающимъ.

Утромъ, 5-го іюля, мы съ преподавателемъ исторіи Полтавской гимназіи В. Л. Василевскимъ выѣхали изъ Полтавы на ст. Лысяки,¹⁾ чтобы оттуда на лошадахъ отправиться въ Васильевку, находящуюся въ 20 верстахъ отъ станціи. Въ нашемъ воображеніи неясно еще представлялась

¹⁾ Теперь ст. Лысяки переименована въ Рѣшетиловку.

родина поэта, но какой-то особенный подъемъ духа чувствовался въ каждомъ изъ насъ: я думалъ о томъ, не мало-ли взято бумаги для замѣтокъ, а мой спутникъ—художникъ—любитель—хватить ли холста и красокъ для этюдовъ. Незамѣтно минули мы Абазовку—первую станцію отъ Полтавы, и также незамѣтно подъѣхали къ Лысякамъ. Тамъ мы наняли пароконный безжацій экипажъ, усѣлись и поѣхали. Дорога отъ Лысяковъ до Васильевки однообразна и непривлекательна: справа и слѣва тянутся безконечныя пеля, положительно усѣянные курганами и городищами. Это обыкновенная картина малорусской степи, подъ впечатлѣніемъ которой составила известная пѣсня: „Ой у поли могила зъ витромъ говорила“. Продолжительная засуха давала себя чувствовать: на выжженныхъ солнцемъ неспаханыхъ поляхъ, сбившись въ кучу, стояли овцы, понутивъ головы и отмахиваясь своими короткими хвостами отъ надоедливыхъ мухъ; то здѣсь, то тамъ проносился полевой смерчъ—вихрь, иногда набѣгая на насъ и окутывая пылью. Возница крестился, стараясь оградить себя отъ нечистой силы, и видимо былъ очень удрученъ.

Мы ѣхали молча. Дорога становилась скучною; лошаденки медленно плелись по дорогѣ, изнемогая отъ жары и мухъ; пыль густымъ облакомъ окружала нашъ экипажъ, лишая насъ возможности дышать чистымъ воздухомъ...

—„Далеко-ли до Васильевки?

—До Яновщины? А вотъ она зеленѣетъ,—сказалъ возница, указывая кнутомъ направо.

Въ самомъ дѣлѣ, Васильевка была близко; мы сдѣлали поворотъ направо, спустились къ плотинѣ, поднялись въ гору и вѣхали въ усадьбу г-жи Головни—сестры поэта, нынѣшней владѣлицы имѣнія Гоголей.

Васильевка (Яновщина) досталась по завѣщанію бабушки поэта, Татьяны Семеновны Гоголь-Яновской, урожденной Лизогубъ, Н. В. Гоголю съ сестрами, что видно изъ слѣдующаго отрывка, взятаго изъ имѣющагося у насъ подъ руками документа: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Я нижеподписавшаяся, находясь въ глубокой старости и слабости здоровья, ожидая ежедневно всеобщаго предѣла къ отходу въ вѣчность, и будучи въ здоровомъ своемъ умѣ, твердой памяти, и въ доказательство неограниченной моей любви и привязанности къ дѣтямъ покойнаго моего сына, коллежскаго ассесора, Василя Афанасьевича Гоголь-Яновскаго, и моимъ внукамъ, и дабы сохранить между нами братскую любовь, миръ и

согласіе, и не произошли-бы между ними въ послѣдствіи времени какія-либо распри, или прошенія и самыя тяжбы въ мѣстахъ судебныхъ, роднымъ другъ съ другомъ имѣть весьма предосудительныя, заблагодарасудила учинить слѣдующее:

1) Движимое и недвижимое имѣніе мое, оставшееся по наслѣдству отъ родителей моихъ, числящееся за мною и умершимъ сыномъ моимъ, полтавской губерніи, миргородскомъ и полтавскомъ повѣтахъ въ селѣ Васильевкѣ и м. Яресъкахъ, состоящее по послѣдней ревизіи изъ ста тридцати семи душъ, со всѣми къ нимъ принадлежащими пахатными, сѣнокосными, лѣсными землями и со всѣми хозяйственными при немъ заведеніями симъ духовнымъ testamentомъ записываю и завѣщаю въ вѣчное и потомственное владѣніе имъ внукамъ моимъ *Николаю, Маріи, Аннѣ, Елизаветѣ, Татьянѣ и Ольгѣ Гоголь-Яновскимъ*, съ тѣмъ, что внукъ мой *Николай преимущественно передъ сестрами долженъ изъ всего сего имѣнія получить половину одинъ, сверхъ того новый домъ, къ нему принадлежащій садъ и лѣсъ, называемый Аворивщина*, прочее-же затѣмъ остальное движимое и недвижимое имущество поименованныя внуки мои должны подѣлить между собою по равнымъ частямъ полюбовно, отнюдь не требуя на сей раздѣлъ посредства правительства“¹⁾.

Изъ приведеннаго отрывка видно, что нашему писателю досталась большая часть недвижимаго имѣнія, съ домомъ, садомъ и лѣсомъ; но здѣсь же кстати мы напомнимъ, что Николай Васильевичъ отказался отъ своей части въ пользу сестеръ, да и вообще, онъ только въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ обращался къ роднымъ за помощью, и, по рассказамъ Ольги Васильевны, мать поэта всегда съ гордостью говорила о своемъ сынѣ, который самъ себя пробилъ дорогу и даже самъ часто помогалъ имъ совѣтами и деньгами. Послѣ смерти матери, Маріи Ивановны, и другихъ сестеръ, Васильевка досталась двумъ сестрамъ — Ольгѣ и Елизаветѣ (въ замужествѣ г-жѣ Головинѣ и г-жѣ Быковой). Въ настоящее время огромный поэтически-красивый прудъ, съ купающимися въ его струяхъ вѣтвями деревьевъ, составляетъ естественную границу между двумя усадьбами, Головини и Быкова. Новый домъ, о которомъ говорится въ завѣщаніи, пришелъ въ ветхость и разрушенъ; судя по сохранившимся фотографическимъ

¹⁾ Завѣщаніе въ полномъ видѣ напечатано въ отдѣлѣ матеріаловъ.

снимкамъ и по разсказамъ очевидцевъ, это былъ довольно большой, старинный помѣщичій домъ съ колоннами, балкономъ и верандами; предъ домомъ росли деревья и кусты, заднее крыльцо выходило въ садъ, а за садомъ тянулся прудъ, огромный, глубокий и рыбный; черезъ прудъ былъ перекинутъ мостъ, соединявшій обѣ стороны: „ту“ и „эту“. Конечно, очень жаль, что домъ не сохранился до нашихъ дней, тѣмъ болѣе, что въ немъ многое было сдѣлано по указаніямъ и даже рисункамъ поэта, какъ на-примѣръ, венеціанскія окна, дверь съ цвѣтными стеклами и т. п.; но и безъ этого дома Васильевка представляетъ въ себѣ много интереснаго, связаннаго съ именемъ поэта.

На „этой“ сторонѣ живетъ Ольга Васильевна Головна (ур. Гоголь) со своимъ сыномъ Василиемъ Яковлевичемъ, виднымъ земскимъ дѣятелемъ, и его семействомъ; на „той“ сторонѣ живетъ Николай Владиміровичъ Быковъ, земскій начальникъ.

Насъ встрѣтила Ольга Васильевна—уже семидесятишести-лѣтняя старушка, съ добрымъ ласкающимъ взглядомъ. Мы сразу узнали, что передъ нами сестра поэта: въ чертахъ ея лица очень многое напоминаетъ ея великаго брата, какъ мы его знаемъ по портретамъ; признаться, какой-то неопредѣленный трепетъ овладѣлъ мною, когда я переступалъ порогъ и входилъ въ комнаты; со стѣнъ на меня смотрѣли старинные портреты родныхъ поэта, а посреди нихъ находился портретъ Н. В. Гоголя; хотѣлось поклониться поэту, какъ старому хозяину, его матери, бабушкѣ и сестрѣ—глядѣвшимъ на меня изъ своихъ потускнѣвшихъ золоченыхъ рамъ. Мы предупредили раньше о своемъ прибытіи и цѣли его, и теперь Ольга Васильевна лишь выразила свое удовольствіе по поводу того, что общество не забываетъ о ея великомъ братѣ и готовится праздновать его юбилей.

Тихо шла наша бесѣда за чайнымъ столомъ; мало по малу разговоръ зашелъ о предметахъ, связанныхъ съ именемъ поэта, а также о томъ, не сохранилось-ли какихъ воспоминаній о немъ и т. п. Не передавая подробно обо всѣхъ нашихъ разговорахъ, экскурсіяхъ, занятіяхъ, скажу только, что въ лицѣ самой Ольги Васильевны, равно какъ и въ лицѣ ея сына, Василя Яковлевича мы видѣли самыхъ любезныхъ, самыхъ предупредительныхъ хозяевъ, которымъ судьба опредѣлила быть ближайшими родственниками поэта; въ мое распоряженіе былъ предоставленъ семейный архивъ предковъ Гоголя, откуда я почерпнулъ много матеріаловъ, относящихся къ генеалогіи поэта,

къ перепискѣ съ интересными личностями: съ Кулишомъ, Шевыревымъ, Мартосомъ, Трошинскимъ и друг.

Часто тотъ или иной предметъ вызывалъ въ Ольгѣ Васильевнѣ цѣлый рядъ воспоминаній о братѣ, а такихъ предметовъ было много, потому-что въ Васильевкѣ протекли его дѣтскіе годы, здѣсь онъ проводилъ вакаціонное время въ ученической періодъ, сюда онъ стремился изъ Петербурга и даже въ послѣдніе годы своей жизни онъ облегчалъ свою измученную и истерзанную сомнѣніями душу мирными буколическими занятіями: онъ разводилъ садъ, чистилъ дорожки, подрѣзывалъ деревья и т. п. Гоголь не любилъ симметрично и правильно размѣченныхъ дорожекъ или рядами посаженныхъ деревьевъ; садъ долженъ быть лабиринтомъ, въ которомъ трудно сразу ориентироваться. Высокіе серебристые тополи, посаженные поэтомъ, образуютъ чудный паркъ, особенно разросшійся надъ прудомъ. Не вѣрится прямо, что эти могучія толстыя деревья такъ сравнительно молоды, а между тѣмъ въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: на мѣстѣ нынѣшняго парка на старинѣ Быковыхъ нѣкогда было пустое мѣсто, которое стараніями поэта обращено въ садъ.

Интересно также, что, несмотря на то, что у матери Гоголя были крѣпостные люди, Гоголь не хотѣлъ пользоваться даровымъ трудомъ, а на свои средства нанималъ рабочихъ для работъ въ саду.

Чтобы избѣжать симметріи въ посадкѣ деревьевъ и сдѣлать будущій паркъ естественно красивымъ, Гоголь употреблялъ слѣдующій способъ: бралъ въ руки нѣсколько камней и бросалъ ихъ сразу; гдѣ падалъ камень, тамъ выкапывали яму для посадки дерева; этимъ какъ нельзя лучше достигалась цѣль. Кромѣ этого парка, въ Васильевкѣ есть еще рощица „Балабайка“, посаженная Гоголемъ на краю деревни, за церковью. Эта рощица имѣетъ видъ равнобедреннаго треугольника; въ народѣ она слыветъ подъ именемъ „Балабайки“; нѣкоторые-же видятъ въ ней форму гроба и этимъ желаютъ доказать, что Н. В. Гоголь, какъ-бы предчувствовалъ свою кончину и символически выразилъ свое предчувствіе въ формѣ рощицы. Дѣло-же объясняется просто: Гоголь насадилъ рядъ дубковъ, а для защиты ихъ съ сѣверной стороны посадилъ нѣсколько рядовъ другихъ, быстро растущихъ деревьевъ; дубки всѣ повысохли, а другія деревца принялись и обратились въ хорошенкую рощицу.

Есть еще одинъ предметъ въ Васильевкѣ, возбуждающій толки и догадки самаго разнообразнаго характера—это земляной холмъ, насыпан-

ный по желанію Н. В. Гоголя въ разведенномъ имъ саду „на той сторонѣ“ (въ нынѣшней усадьбѣ г. Быкова). Самъ по себѣ холмъ не представляетъ ничего особеннаго: это обыкновенная земляная насыпь, въ формѣ небольшого кургана; на вершинѣ его теперь растутъ кусты лозы; но интересно его происхожденіе. Въ одно изъ послѣднихъ посѣщеній своей родины нашъ поэтъ приказалъ рабочимъ копать землю и сносить ее въ одно мѣсто, чтобы образовался холмъ, съ котораго видна была-бы усадьба Черныша ¹⁾).

Когда поэта спрашивали, зачѣмъ онъ насыпаетъ этотъ холмъ, онъ, говорятъ, отвѣтилъ: „когда-нибудь люди будутъ мнѣ очень благодарны за это“. Какъ ни старались разгадать смыслъ этихъ словъ, но никому ничего не удалось выяснить. Это было въ послѣдніе годы жизни Гоголя, когда душою поэта овладѣли какія-то неясныя сомнѣнія и стремленія; а послѣдовавшая скорѣ затѣмъ смерть его дала поводъ къ различнымъ толкамъ. Одни говорили, что онъ чувствовалъ близость смерти и какъ-бы насыпалъ самъ себѣ могильный холмъ, у другихъ-же зарождалось сомнѣніе, не закопалъ ли онъ тамъ своихъ сочиненій, и намекъ на это они видѣли въ словахъ, сказанныхъ поэтомъ: „когда-нибудь люди будутъ мнѣ очень благодарны за это“...

Такъ или иначе, но холмъ этотъ является интересной загадкой для обывателей Васильевки; для насъ же этотъ эпизодъ является новой иллюстраціей къ тому неопредѣленному душевному состоянію, въ которомъ находился поэтъ въ послѣдніе годы своей жизни. Съ лихорадочной поспѣшностью онъ составляетъ проектъ постройки дома, рисуетъ планъ его, разводитъ садъ, насыпаетъ холмъ, мечтаетъ о постройкѣ мельницы и маслобойни, гдѣ-бы крестьяне могли имѣть заработокъ; также точно онъ мечтаетъ о созданіи новаго, великаго творенья, которое затмило-бы всѣ существующія сочиненія—будто онъ чувствовалъ въ самомъ дѣлѣ, что время дорого, что близко былъ конецъ его трудной жизни...

На основаніи разсказовъ Ольги Васильевны мы можемъ себѣ представить, какъ проводилъ время нашъ поэтъ у себя на родинѣ, какъ относился къ окружающимъ и какъ окружающіе относились къ нему. Что Гоголь не любилъ общества—это всемъ извѣстно; но какъ послушный сынъ,

¹⁾ Чернышъ—богатый въ то время помѣщикъ, сосѣдь по имѣнію Гоголей, и хорошій ихъ знакомый. У его наслѣдниковъ въ настоящее время сохранился огромный неуклюжій старинный дормезъ, въ которомъ будто-бы ѣздилъ Гоголь.

онъ, говорятъ, выходилъ къ гостямъ лишь для того, чтобы не обидѣть своей матери; выйдетъ, бывало, покраснѣетъ, какъ красная дѣвица, и начнетъ по очереди обходить всѣхъ дамъ, прикладываясь къ ручкѣ каждой, — что было въ обычаѣ того времени. Обойдя всѣхъ сидѣвшихъ рядомъ дамъ, онъ уходилъ въ свою комнату, и затѣмъ его уже больше не видѣли. Но иногда происходило совсѣмъ иначе; однажды пріѣхала къ нимъ г-жа Б. и заявила, что прибыла съ цѣлью увидѣть поэта и поговорить съ нимъ; а поэтъ уже ложился спать, утомленный работой въ саду. Однако, услышавъ о цѣли прибытія дамы, онъ всталъ, прифрантился и совершенно неожиданно для всѣхъ вышелъ въ гостинную. Познакомившись съ Б., Гоголь просидѣлъ съ нею за полночь, весело и оживленно болтая на разные темы. Были, впрочемъ, и такія личности, которыя боялись его, какъ писателя-юмориста.

Многіе боялись попасть въ эту чудную кунсткамеру Гоголевскихъ типовъ, но лучшіе экземпляры не избѣжали такой участи, и въ произведеніяхъ Н. В. въ свое время можно было узнать много современниковъ. Не даромъ Полтава такъ недружелюбно относилась къ творцу Ревизора и Мертвыхъ душъ.

Особенно памятны были для сестры поэта послѣдніе годы его жизни. Послѣ поѣздки въ Іерусалимъ, онъ сталъ чаще навѣдываться въ родную деревеньку и иногда почти цѣлое лѣто проводилъ тамъ въ разнообразныхъ занятіяхъ, преимущественно заботясь о лучшемъ устройствѣ жизни своихъ родныхъ. Въ это время его интересуетъ въ особенности жизнь народная съ ея горестями и радостями, хотя умъ его былъ занятъ составленіемъ второй части Мертвыхъ душъ.

Трагическій конецъ, послѣдовавшій вскорѣ послѣ этихъ посѣщеній, еще болѣе усилилъ впечатлѣніе, какое производили они на родную семью, и каждый фактъ, даже и незначительный, остался навсегда въ ихъ памяти. Въ имѣющихся у насъ мемуарахъ Ольги Васильевны, которыхъ мы пока не можемъ напечатать, очень много мѣста отведено воспоминаніямъ именно объ этой порѣ, точно также и устные рассказы ея и тѣхъ немногихъ старожиловъ, какъ напр. Петра и Анастасіи Юрченковъ, служившихъ у Гоголя, относятся къ тому-же времени. Все это — и устные рассказы и мемуары — представляетъ очень интересный матеріалъ, которымъ мы пользуемся въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

9 мая 1848 года неожиданно для всѣхъ вѣхалъ въ помѣщичій дворъ, въ Васильевку, неуклюжій экипажъ, а изъ него выскочилъ запыленный и усталый путникъ—Николай Васильевичъ Гоголь... Онъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ его видѣли въ послѣдній разъ. Его темнорусые волосы, съ нѣжнымъ золотистымъ отливомъ, ниспадали по плечамъ, на впалыхъ и блѣдныхъ щекахъ не видно было слѣдовъ прежняго румянца, и только глаза свѣтились какимъ-то тихимъ, ласкающимъ огнемъ, да на тонкихъ губахъ играла привѣтливая улыбка. Эта улыбка, по словамъ сестры поэта, какъ-то особенно дѣйствовала на всякаго человѣка: въ ней было много чего-то примиряющаго и прямо-таки неземного; она служила постоянно лучшей наградой для безкорыстно и самоотверженно служившей на пользу ближнему сестры поэта. Гоголь думалъ сдѣлать неожиданный сюрпризъ роднымъ, пріѣхавъ въ день своихъ именинъ; онъ думалъ застать дома праздникъ, семейное торжество—но случилось совсѣмъ иначе: весна сулила голодъ, люди, несмотря на праздникъ, находились въ полѣ, уныло глядя на выжженные непомятой жарой нивы. Не до именинъ было, когда нѣтъ ни сѣна, ни хлѣба, ни надежды на урожай. И люди, и животныя уныло бродили по селу, какъ приговоренныя къ смерти. Слезы показались на глазахъ Гоголя, но онъ старался подавить въ себѣ печаль, вызванную картиной народнаго бѣдствія.

Впрочемъ, сейчасъ-же, по случаю его пріѣзда, велѣно было прекратить работы на поляхъ, и съ тѣхъ поръ 9 мая празднуется въ Васильевкѣ и по настоящее время.

Чтобы не стѣснять родныхъ и самому имѣть возможность предаться своимъ любимымъ занятіямъ, поэтъ поселился въ небольшомъ флигелѣ, стоявшемъ почти рядомъ съ домомъ, въ саду. Это былъ домикъ, въ три окна, съ небольшой верандой, поддерживаемой 4-мя деревянными колоннами.

Въ одной комнатѣ стояла кровать и конторка, передъ которой онъ занимался (Гоголь писалъ всегда стоя); убранство другой комнаты было такъ-же просто, какъ и первой: въ ней находился столъ, заваленный книгами, этажерка, диванъ, передъ которымъ стоялъ небольшой круглый столикъ, два кресла и ничего больше. Здѣсь онъ проводилъ лѣто въ занятіяхъ надъ „Мертвыми душами“. Онъ не любилъ никого впускать къ себѣ въ комнату и всякаго входившаго встрѣчалъ на порогѣ съ перомъ въ рукахъ; всѣ знали, что Гоголь не любитъ, когда къ нему являються, и старались не мѣшать ему; но онъ самъ по временамъ приходилъ въ домъ,

бесѣдовалъ съ сестрами и матерью о различныхъ вопросахъ, по преимуществу хозяйственныхъ. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ Гоголь отправлялся въ церковь. Тамъ онъ обратилъ вниманіе на то, что крестьяне запиваютъ Св. Причастіе водой, а не виномъ. Это было очень непріятно поэту; придя домой, онъ сталъ бесѣдовать о томъ, что можно было бы посылать крестьянамъ „на запивку“? Вино было дорого, пить наливку—неудобно; поэтому онъ рѣшилъ, что можно ставить въ церкви для этой цѣли хлѣбный квасъ. Такъ и сдѣлали.

Точно также ему было непріятно, что священникъ раздавалъ просфоры въ церкви только „панамъ“, крестьяне-же не получали ничего. Возвращаясь изъ церкви домой, онъ положилъ руку на плечо своей любимой сестры, Ольги Васильевны, и просилъ ее заботиться о томъ, чтобы къ каждому праздничному дню было испечено 25 просфоръ изъ бѣлой хорошей муки; эти просфоры она должна сама разрѣзать каждую на четыре части и отнести въ церковь для раздачи крестьянамъ. Для этой цѣли онъ тогда-же далъ 25 рублей и обѣщалъ высылать еще, когда понадобится.

Храня завѣты брата, Ольга Васильевна очень долго исполняла его желаніе, и только сравнительно въ недавнее время, занятая множествомъ нныхъ дѣлъ, она прекратила это доброе дѣло.

Гоголь понималъ, что лучшею книгой для народа служить библія и въ частности Евангеліе; въ нихъ крестьянинъ можетъ почерпнуть нравственную поддержку, по нимъ онъ научится стремиться къ добру и отстраняться отъ зла. Поэтому въ добромъ священникѣ онъ видѣлъ лучшаго руководителя и учителя общества. Однако, не всегда можно имѣть такого именно священника, и въ Васильевкѣ иногда бывали далеко не идеальные представители духовенства, что видно изъ имѣющагося у насъ прошенія матери Гоголя къ епископу о перемѣнѣ священника въ ихъ церкви Рождества Богородицы. Священникъ этотъ, Насвѣтовъ, съ сыномъ своимъ—діакономъ и зятемъ—пономаремъ Сузулинскимъ составили тріумвиратъ, который служилъ пагубнымъ примѣромъ для прихожанъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ прошеніи, интересномъ въ бытовомъ отношеніи: „Священникъ и зять его имѣютъ слабость пить и отъ такой дурной жизни первой, т. е. священникъ, приближаетъ себя къ гробу и теперь насилу можетъ священнодѣйствовать; и другой священникъ моложе его, имѣя въ виду такой примѣръ, и самъ находится подъ этимъ вліяніемъ; но мнѣ кажется, что при другомъ хорошемъ священникѣ, онъ можетъ испра-

виться; а діаконъ позволилъ себѣ, стоя на клиросѣ, сказать нелѣпую проповѣдь и обидную для прихожанъ, услыша, что многіе винили его за сожженіе хлѣба бѣдному мужику за то, что онъ въ праздникъ, выпрося себѣ воловъ, перевезъ свой хлѣбъ, находящійся близъ дороги“...

Конечно, не такіе представители духовенства могли имѣть нравственно-просвѣщенное воздѣйствіе на крестьянъ и быть ихъ руководителями; чтобы хотя отчасти помочь этому горю, Гоголь просилъ священника читать въ церкви поученія, а также съ своей стороны, для ознакомленія народа съ церковной исторіей, раздавалъ имъ картины на библейскіе сюжеты, сопровождая это соотвѣтствующими объясненіями. Въ свободное послѣобѣденное время, когда всѣ собирались на верандѣ дома и занимались рукодѣльями или чтеніемъ, Гоголь бралъ въ руки палитру съ акварельными красками и раскрашивалъ яркими тонами картины, предназначенныя для раздачи народу. Въ нашемъ распоряженіи есть нѣсколько (8) такихъ картинъ, раскрашенныхъ самимъ поэтомъ; краски положены безъ особеннаго старанія и разнообразія; преобладаютъ синіе, коричневыя и красныя цвѣта. Вотъ, напримѣръ, такъ раскрашена картина „Иисусъ благословляетъ дѣтей“: Иисусъ Христосъ сидитъ въ темно-синемъ хитонѣ и свѣтло-розовой рубахѣ, волосы свѣтло-коричневыя; надъ головой ореолъ раскрашенъ сурикомъ; дѣти въ голубыхъ и розовыхъ рубашечкахъ, народъ въ темно-коричневыхъ хитонахъ. Тѣмъ не менѣе въ рукахъ народа такая картина уже имѣетъ больше смысла, чѣмъ сѣрая гравюра; они узнаютъ здѣсь Христа и святыхъ, потому что привыкли видѣть ихъ такими въ церкви. Что-же касается лично поэта, то онъ не выдѣлялся особенно ни набожностью, ни религіозностью среди своихъ родныхъ, проникнутыхъ съ самыхъ младенческихъ лѣтъ религіознымъ настроеніемъ и идеалами христіанской жизни. Лишь въ отношеніи соблюденія поста онъ держался нѣсколько иного взгляда, нежели его окружающіе; въ постныя дни, когда въ деревняхъ готовились разнообразныя постныя блюда, различные винегреты и т. п., онъ даже иногда бывалъ недоволенъ: „какой же это постъ, когда всѣ объѣдаются еще хуже, чѣмъ въ обыкновенные дни?“—говорилъ онъ, отодвигая подальше блюдо, съ какою-нибудь заманчивой постной пищею; а самъ онъ дѣйствительно постился: утромъ выпивалъ стаканъ кофе со сливками, а днемъ съѣдалъ яблоко или грушу—и это составляло его дневное питаніе.

Конечно, здѣсь не могло быть ни лицемерія, ни рисовки, ни неискренности: онъ говорилъ и поступалъ согласно своему убѣжденію. Вообще онъ велъ въ деревнѣ жизнь скромную, трудовую, всемъ интересовался, ко всему приемотривался, готовъ былъ служить всякому совѣтомъ и деньгами, насколько ему позволяли его скромныя средства; никто изъ окрестныхъ помѣщиковъ не зналъ его, какъ „великаго писателя“ со всеми атрибутами величія, а какъ скромнаго сосѣда, который добръ, милъ, обходителенъ, какъ и все образованные лучшіе люди. Вставалъ онъ въ 6 часовъ утра, выпивалъ кофе и сейчасъ же становился у конторки за дѣло; до обѣда никто съ нимъ не видался; незадолго до обѣда онъ выходилъ въ садъ погулять, а въ часъ шелъ обѣдать; за обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ со своей любимой сестрой. Ольга Васильевна съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этомъ. „Я стала примѣчать—пишетъ О. В. въ своихъ мемуарахъ—что онъ любитъ, то и приготавливала ему; за обѣдомъ я ставила передъ его приборомъ двѣ маленькія вазы съ вареньемъ, какое онъ любитъ; водку онъ просилъ настаивать на „бѣлой невхорощи“ (?) и говорилъ, что она очень полезна; за обѣдомъ я сидѣла возлѣ него: всякій разъ, когда онъ увидитъ, что поставлю что-нибудь его любимое, онъ съ улыбкой кивнетъ мнѣ головой своей (О. В. съ дѣтства плохо слышитъ, поэтому говорить съ нею можно только громко); бывало, когда увижу, что онъ ходитъ передъ обѣдомъ въ садъ, я тотчасъ иду въ садъ, и онъ улыбкой встрѣчаетъ меня, и всякій разъ его улыбка меня въ восторгъ приводила, и я всячески старалась все дѣлать, что ему нравится“.

Переходя теперь къ воспоминаніямъ, рисующимъ отношенія Гоголя къ народу вообще, мы должны сказать нѣсколько словъ о быломъ положеніи крестьянъ въ Васильевкѣ, о тѣхъ взглядахъ на человека, которые установились у молодого поколѣнія Гоголей подъ вліяніемъ крѣпостного права. Судя по рассказамъ крестьянъ и по мелкимъ замѣчаніямъ, разбросаннымъ въ мемуарахъ сестры поэта, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что крестьянамъ въ Васильевкѣ жилось сравнительно хорошо. Въ преданіяхъ народа—этихъ вѣчныхъ скрижаляхъ, на которыхъ народъ запечатлѣваетъ наиболѣе грустныя страницы своей жизни—нѣтъ никакихъ упоминаній о жестокостяхъ помѣщиковъ. А между тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ Полтавщины можно услышать о такихъ звѣрствахъ, передъ которыми блѣднѣютъ дѣянія знаменитой Салтычихи. Памятенъ рассказъ одной ста-

рухи-няньки, у которой когда-то разсвирѣпѣвшая барыня велѣла вырѣзать со спины нѣсколько ремней; та-же старуха рассказывала, какъ однажды зимой, на зимняго Николу, съѣхалось къ помѣщицѣ много гостей. Пировали всю ночь. Въ огромныхъ залахъ было душно и жарко; домашніе музыканты безъ усталы играли (они не имѣли права уставать), сама барыня плясала до упаду, до изнеможенія... И такъ они пировали и плясали до утра. А на дворѣ трещалъ морозъ, птицы замерзали на лету и „какъ галушки“ падали на бѣлый снѣгъ. Было уже совсѣмъ свѣтло, когда гости стали разѣзжаться. Сонными глазами смотрѣли они на сады, окутанные бѣлымъ инеемъ, и никто не замѣтилъ какой-то странной человѣческой фигуры, стоявшей безъ движенія, босикомъ, въ одной рубахѣ, на снѣгу, опершись спиной о стѣну людской. Въ рукахъ у нея былъ чѣмъ-то наполненный печной горшокъ. Эта статуя была еще вчера живымъ существомъ. „Добрая барыня“ въ наказаніе за пересоленный бульонъ велѣла кухаркѣ раздѣться и босикомъ стоять на морозѣ, пока бульонъ не простынетъ. Бѣдная женщина безпрекословно повиновалась и, въ то время какъ какъ барыня, какъ вакханка, плясала, опьяненная виномъ,—она замерзала, руки ея коченѣли, чувства притупились, и умерла она такъ же тихо и безропотно, какъ провела всю свою тяжелую жизнь!

Вотъ одинъ изъ эпизодовъ тяжелаго прошлаго; но къ чему подымать болѣе кровавую завѣсу, скрывающую дѣянія отшедшаго въ вѣчность крѣпостного права?

Ничего подобнаго не происходило въ Васильевкѣ; никто не помнитъ, чтобы у Гоголей даже примѣнялись тѣлесныя наказанія. Этотъ фактъ очень важенъ, и мы его подтвердимъ слѣдующимъ рассказомъ, переданнымъ Ольгою Васильевой. Онъ напоминаетъ намъ отчасти новеллу Мопассана, передѣланную Л. Толстымъ подъ заглавіемъ „Дорого стоитъ“. Одна дѣвушка въ чемъ-то провинилась, такъ что даже Василій Аванасьевичъ разгнѣвался и послалъ ее къ барынѣ, Марьѣ Ивановнѣ, чтобы она распорядилась ее высѣчь. Пришла дѣвушка къ барынѣ и говорить: „Барыня! сказали баринъ, чтобъ меня высѣкли“.—„Ну, такъ что-же я буду дѣлать? Пойди, спроси на конюшнѣ, не возьмется-ли кто-нибудь это сдѣлать“. Пошла дѣвушка на конюшню и воротилась ни съ чѣмъ. Никто не соглашался взять на себя роль палача... Нечего дѣлать: не посылать же къ сосѣдямъ за такимъ дѣломъ—подумала Марья Ивановна и отпустила горничную безъ наказанія. Болѣе всего преслѣдовались преступленія противъ нравствен-

ности; да это и понятно, потому что сами помѣщики были люди строго-нравственные, передавшіе эту черту и нашему поэту; и въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ современныхъ имъ помѣщиковъ, во множествѣ совершавшихъ ужасныя преступленія подобнаго рода, которыя иногда всплывали на свѣтъ Божій во всей своей ужасающей грубо-циничной обстановкѣ.

Интересный разсказъ приведенъ у Ольги Васильевны, относящійся именно къ затронутому нами вопросу. Въ домѣ Гоголей, въ числѣ многихъ тетушекъ и бабушекъ, постоянно проживавшихъ у нихъ, была родная сестра Марьи Ивановны, вдова Екатерина Ивановна Ходаревская; между прочимъ она обладала хорошимъ голосомъ и часто пѣла своему племяннику Никошѣ по его просьбѣ малорусскія пѣсни. Однажды она стала замѣчать, что горничная ея Ѳекла по ночамъ съ кѣмъ-то за стѣной бесѣдуетъ. — „Векла! съ кѣмъ ты балакаешь?“ спросила она. — „Съ коти-комъ сударыня“, отвѣчаетъ та. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ Ѳеклой случилось несчастье... Екатерина Ивановна не безъ прониі спросила ее: „Такъ це той котикъ, что ты съ нимъ балакала?“ — И бѣдную грѣшницу отослали на черный дворъ, а на мѣсто ея взяли другую ¹⁾.

Не удивительно, что тѣ немногіе старожилы, которые остались въ живыхъ, вспоминають о прошломъ, какъ о лучшей, беззаботной порѣ, и настоящее положеніе для нихъ считается менѣе привлекательнымъ. Интересными являются старички Юрченки, служившіе у Гоголей въ качествѣ повара и горничной. Къ сожалѣнію, слишкомъ преклонный ихъ возрастъ мѣшаетъ имъ подробно и ясно передавать воспоминанія, въ особенности касающіяся „добраго барина“, Николая Васильевича... Но одинъ изъ разсказовъ остался у меня въ памяти. Сидя на печи, не взирая на страшную жару и духоту, царившую въ избѣ, старикъ, откашливаясь и запинаясь, разсказывалъ о томъ, какъ они съ бариномъ Николаемъ Васильевичемъ ѣздили въ Кіевъ.

„Подъ Переяславомъ—говорить онъ—стали мы на отдыхъ. Отъ баринъ Николай Васильевичъ и пошли подъ деревомъ посидѣть, а я поймавъ „курку“, тай сталъ варить юшку; когда юшка поспѣла, я и зову барина: пожалуйста, говорю, баринъ, Николай Васильевичъ, юшку кушать;

¹⁾ Отголосокъ этого слышится въ идилліи „Старосвѣтскіе помѣщики“.

они встали, тай пришли. Пришли, хлебнули ложки двѣ, а можетъ быть и три, тай кажутъ: кушай, кажутъ, самъ! —Отъ тебѣ, думаю, й разъ; вариль, вариль, старался, старался, а оно вотъ что вышло“. —Что-же, вѣроятно не вкусная была ваша юшка, спросилъ я. —„Гдѣ вамъ! чтобъ у меня да невкусная была, такъ воны (т. е. Гоголь) такой „ѣдунъ“ были, что избави Богъ: и то имъ нехорошо, и того имъ нелзя“. Мухи стали надоѣдать старику, и онъ перевелъ разговоръ на нихъ, а о прежнемъ уже и позабылъ.

Н. В. часто посѣщалъ крестьянъ, разспрашивалъ объ ихъ нуждахъ и горестяхъ и старался помогать имъ. Такъ однажды пошелъ онъ съ сестрой своей къ крестьянамъ; зашли въ первую избу; дома была только хозяйка, а всѣ остальные члены семьи работали въ полѣ; увидя гостей, крестьянка съ радостью встрѣтила ихъ и усадила за столъ, а сама стала суетиться возлѣ печи, желая угостить чѣмъ-либо дорогихъ гостей. Н. В. сталъ разговаривать съ нею. Бесѣда шла такъ просто, оживленно... „А мени сю ничъ прысылось, що дви пташки влетили въ мою хату, оцежъ воны, мои гостоньки дорогіе! чимъ же мени васъ приниматы, чимъ пригощаты“ —весело и радостно говорила хозяйка. Гости отказывались отъ угощенія, но она успѣла приготовить яичницу и поставила на столъ, приглашая закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Чтобы не обидѣть ея, гости попробовали предложеннаго угощенія, поговорили и ушли, радостно провожаемые молодежи. Затѣмъ они еще зашли въ другую избу къ зажиточному крестьянину; у него было все чисто прибрано и сложено на мѣстѣ: на стѣнѣ висѣла одежда, на дворѣ въ порядкѣ лежали всякія хозяйственныя принадлежности—словомъ, видно было, что хозяинъ чловѣкъ обстоятельный и работающій. Гоголь похвалилъ его за порядки и трудолюбіе и пошелъ дальше; но въ третьей избѣ было бѣдно и грязно; навстрѣчу имъ вышелъ немытый и нечесаный крестьянинъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на вошедшихъ; въ воздухѣ носился запахъ „горѣлки“... „Пойдемъ отсюда,—сказалъ Гоголь своей сестрѣ, и они быстро вышли. „Вотъ видишь-ли, кто работаетъ и старается, тотъ и живетъ по-человѣчески, а кто лѣнится, тотъ и бѣденъ, и голоденъ... Всѣ должны трудиться, таковъ законъ природы; и я тружусь, и ты, и всѣ сестры должны трудиться и дѣлать то, къ чему кто способенъ“... такъ говорилъ Гоголь, возвращаясь домой.

На слѣдующій день онъ попросилъ у матери, Марьи Ивановны, полъ-ведра наливки; велѣлъ испечь пироговъ съ сыромъ и пригласить всѣхъ крестьянъ, за исключеніемъ пьяницъ и лѣнливыхъ. Когда они собрались передъ крыльцомъ, снѣ вышелъ къ нимъ, поздоровался и сказалъ: „Спасибо вамъ, добрые люди, что вы своими воликами хорошо землю вспахали моей матушкѣ; работайте, и Богъ васъ не оставитъ“. Затѣмъ онъ подавалъ каждому стаканъ наливки и пирогъ; всѣ пили за здоровье его и Марьи Ивановны, общая работать такъ же усердно, какъ и раньше; въ заключеніе онъ далъ каждому по два рубля и, простившись съ ними, ушелъ въ комнаты.

Въ другой разъ онъ далъ 150 рублей для покупки рабочаго скота для бѣднѣйшихъ крестьянъ, такъ какъ понималъ, что крестьянинъ безъ скотинки, какъ безъ рукъ. Одинъ старикъ-крестьянинъ, на наши разспросы о Николаѣ Васильевичѣ только могъ отвѣтить: „О, що то бувъ за панчикъ добрый, Николай Васильевичъ, нехай его душенька царствуе! бывало мене малого роспытають, що роблю, що обидаю; иноди пятака давали, а разъ то подарували черевычки, таки легеньки, та кришкеньки; и довго я въ нихъ ходивъ; и людямъ тежъ багато помагали. Дай имъ Богъ царство небесное!“ И старикъ снялъ шапку и перекрестился.

Вотъ приговоръ, который изрекаетъ народъ устами этого старика, одного изъ немногихъ современниковъ нашего поэта. Къ чему же спорить о томъ, былъ-ли Гоголь крѣпостникъ по убѣжденіямъ, или нѣтъ, когда эти мелкіе факты такъ краснорѣчиво говорятъ за себя. Мы говоримъ объ этомъ, имѣя въ виду ту бурю негодованія, какая была вызвана извѣстными „Выборными мѣстами изъ переписки съ друзьями“ по вопросу объ отношеніяхъ Гоголя къ народу... Громъ разражался надъ головой поэта, а между тѣмъ онъ самъ готовъ былъ душу свою положить за друзей своихъ: онъ скорбѣлъ вмѣстѣ съ крестьянами по поводу неурожая и съ ними вмѣстѣ мазилъ себѣ руки, вырывая изъ сухой земли колосья хлѣба, изрѣдка разбросанные на голодной нивѣ.

„Что-жъ дѣлать? — говорилъ онъ крестьянамъ: — это воля Божья, нужно трудиться, а за трудъ будетъ награда на небѣ!“

Если въ данныхъ воспоминаніяхъ почти ничего не говорится о Гоголѣ, какъ о писателѣ, то за то много говорится о немъ, какъ о человѣкѣ, а это тоже представляетъ немалый интересъ!.. На жизнь онъ смотрѣлъ, какъ на тернистый путь, въ которомъ болѣе сильный долженъ помогать

слабому. Этотъ идеаль чловѣка, приносящаго пользу ближнему, онъ съумѣлъ внушить своей сестрѣ, Ольгѣ Васильевнѣ, о которой мы скажемъ нѣсколько ниже. Но здѣсь на память приходятъ мнѣ знаменательныя сцены, свидѣтелемъ которыхъ я былъ самъ. Онѣ, я думаю, заслуживаютъ того, чтобы о нихъ упомянуть.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, что Ольга Васильевна занимается лѣченіемъ людей, и что идея этого занятія внушена ей братомъ, съ которымъ вмѣстѣ они читали лѣчебники, собирали травы и т. п.

День уже близился къ концу... На верандѣ сервированъ чай и кофе; всѣ домашніе сидятъ за столомъ и пьютъ; нѣтъ лишь самой хозяйки: она возлѣ своего аптечнаго шкафа принимаетъ больныхъ. Трудно понимать языкъ крестьянъ, какимъ они объясняютъ свои болѣзни; нужна большая опытность и сообразительность. „Что у тебя такое? — спрашиваетъ тихо О. В...— „Все у меня болитъ: и тутъ и тутъ.... и въ серединѣ меня рѣжетъ и печетъ и „прямо ажъ нѣтъ!“ говоритъ бѣдная крестьянка, сопровождая свои рѣчи выразительной жестикуляціей... „Ну, вотъ я дамъ тебѣ лѣкарства,—говоритъ О. В. и, открывъ свою аптечку, достаетъ оттуда необходимыя снадобья... Долго затѣмъ происходитъ толкованіе, какъ и когда принимать лѣкарство; все это говорится на простомъ, понятномъ ей языкѣ, чуждомъ всякой изысканности и лишннихъ украшеній... Крестьянка, отвѣсивъ поклонъ, уходитъ. Ольга Васильевна идетъ на веранду; на лицѣ видна усталость, да и не удивительно: сегодня пришлось ей принять около 50 больныхъ, среди которыхъ были и увѣчные и раненные по неосторожности топоромъ, и лихорадочные, и чахоточные... Но ужъ такой выпалъ въ тотъ разъ день: не успѣла О. В. сѣсть за столъ, какъ доложили, что опять пришли больные... Пришлось снова итти... Бѣдный крестьянинъ еле говорилъ; онъ былъ страшно худъ, волосы торчали щетиной, впалые глаза, окаймленные синевой, смотрѣли какъ-то тускло. Рядомъ съ нимъ стояла его жена и плакала, утирая слезы рукавомъ... „Ну, что скажешь, чоловіче? Что у тебя болитъ?“— „Да вотъ все сохну, да сохну, прямо однѣ жилы да кости остались, вотъ посмотрите“—и при этихъ словахъ онъ раскрылъ свою грудь, а затѣмъ вынулъ изъ рукава руку... Страшно было смотрѣть на этого страдальца, невольно вспомнились слова „печальника земли русской“, Некрасова:

„Вашему пахарю моченьки нѣтъ:

Руки, что вывели борозды эти,

Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,
 Очи потускли и голосъ пропалъ,
 Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
 Какъ на соху налегая рукой,
 Пахарь задумчиво шелъ полосой“.

Съ такими ли силами поднимать мать сыру-землю, когда и самъ-то еле ходишь по ней! „Да уже вѣрно ему, барыня, помирать нужно; такъ ему всѣ и доктора сказали, что вылѣчить его нельзя“—со слезами говорила жена: „да вотъ мы прознали про васъ, что вы отъ всякой болѣзни можете помочь, да и пріѣхали къ вамъ... мы издалека,... мы нездѣшніе... только уже ради Бога, если ваша ласка, то помогите“—и опять покатились слезы.

А самъ больной тупо смотрѣлъ на нее, переминаясь съ ноги на ногу и застегивая кафтанъ своими непослушными пальцами.

—Давно ли ты боленъ?

—Да уже три года, если не больше.

—Что-жъ, вѣрно поднималъ что-нибудь тяжелое и *порушился*¹⁾?

—Эге, барыня, поднималъ я *лантухъ*²⁾ тяжелый, еле съ воза взвалилъ на плечи; а въ серединѣ что-то будто лопнуло... и съ тѣхъ поръ все хуже, да хуже... кашляю... вѣрно такъ въ самомъ дѣлѣ помирать Богъ велѣлъ—съ какой-то дрожью закончилъ онъ.

—Ну, голубчикъ, чего тамъ умирать! У тебя поруха; я это тебѣ вылѣчу, въ три недѣли будешь здоровъ, у меня были уже такіе... такъ-же спокойно и увѣренно сказала Ольга Васильевна и пошла доставать нужныя лѣкарства.

Въ глазахъ крестьянина блеснулъ какой-то свѣтъ...

Онъ вокругъ себя все время слышалъ только вздохи, да печальныя рѣчи; иногда даже въ глаза говорили, что ужъ придется ему помирать, что онъ не можетъ себя прокормить, что онъ дармоѣдъ—а тутъ ему сказали такъ увѣренно, такъ искренно, что у него еще впереди жизнь... онъ будетъ здоровъ, будетъ работать, кормить семью, какъ прежде... и радостно ему стало; давно не знавшее улыбки его лицо какъ-то жалобно искривилось, и онъ тихо спросилъ: „Такъ что я буду здоровъ? да? о, дай-же вамъ Богъ здоровья на много лѣтъ, да намъ бѣднымъ людямъ на пользу“.

¹⁾ Подорвался.

²⁾ Большой мѣшокъ.

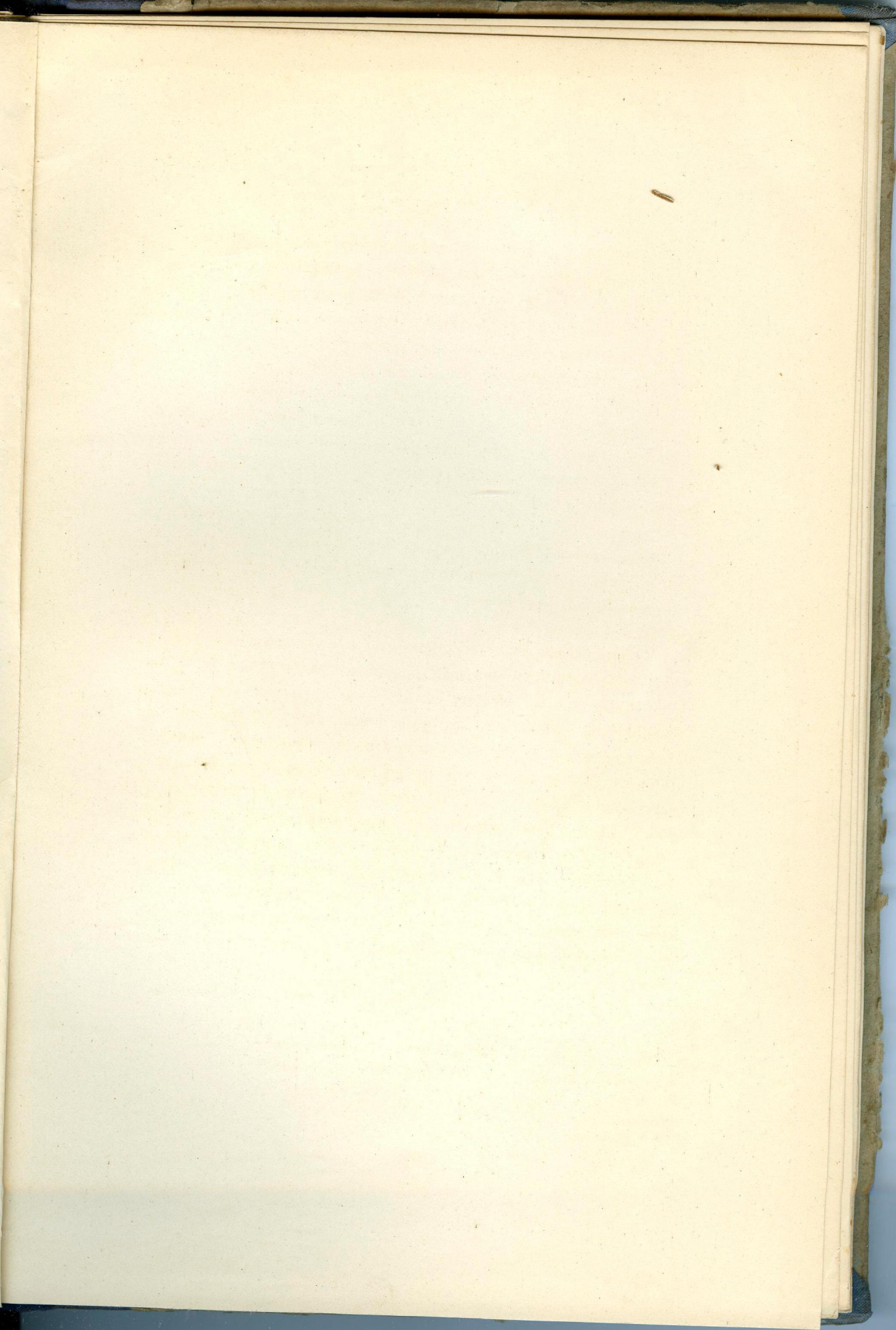
„Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ“, сказалъ нѣкогда Пушкинъ, и это изреченіе примѣнимо въ данномъ случаѣ. Если даже больного и не удастся спасти, то все же слова, сказанныя О. В., поддержать его въ послѣдніе дни; но можетъ быть тѣ народныя средства, которыми О. В. лечитъ „поруху“, приведутъ къ желанной цѣли; по крайней мѣрѣ бывали результаты самые блестящіе.

Вотъ въ какой дѣятельности О. В. провела около 50 лѣтъ. Много слезъ пришлось ей утереть за этотъ долгій промежутокъ времени, много горячихъ молитвъ возносили крестьяне за свою добрую барыню, и намъ остается лишь пожелать, чтобы побольше было такихъ искреннихъ служителей народныхъ ¹⁾...

Вечеромъ, когда всѣ перешли въ комнаты, Ольга Васильевна, воодушевленная воспоминаніями о братѣ, сѣла за пианино и сыграла нѣсколько незатѣйливыхъ малорусскихъ пѣсенъ, которыя любилъ Николай Васильевичъ. А онъ самъ смотрѣлъ на насъ съ портрета своимъ тихимъ, ласкающимъ взоромъ!

Здѣсь же мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о самой Ольгѣ Васильевнѣ и отмѣтить главные моменты изъ ея жизни, въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ сказалось вліяніе поэта. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Н. В. Гоголь какъ-то особенно нѣжно относился къ своей младшей сестрѣ и въ письмахъ часто говоритъ о ней, какъ о человѣкѣ, одаренномъ Богомъ особыми качествами: милосердіемъ и самоотверженной любовью къ ближнимъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ Шевыреву онъ пишетъ: „У меня есть одна сестра, которая воспиталась сама собой въ глуши. Языка иностраннаго она не знаетъ, но Богъ наградила ее чуднымъ даромъ лѣчить и тѣло и душу человѣка. Съ семнадцатилѣтняго возраста она отдала себя всю Богу и бѣднымъ и умерла для всякаго другаго въ жизни. Она лѣчитъ съ необыкновенныхъ успѣхомъ всякими травами, которыхъ цѣлебное свойство открыла сама“ (изъ письма 1847 г. изъ Неаполя).

¹⁾ Г. Гиляровскій въ своемъ этюдѣ „Гоголевщина“ (Рус. М., янв. 1902), лишь вскользь упоминаетъ о родной сестрѣ поэта, считая „старшимъ въ родѣ Гоголя“ г. Быкова. Странно! Личность и дѣятельность О. В., такъ близко стоящей къ идеаламъ Н. Гоголя, настолько почтенна и замѣтна, что обходить ее въ данномъ случаѣ не слѣдовало-бы.

Світлопечать С. В. Кульженко. Київ.

Ольга Васильевна Головня
(ур. Гоголь).

Около же того времени въ письмѣ къ матери изъ Неаполя онъ говоритъ: „я бы очень хотѣлъ, чтобы вы меня хотя сколько-нибудь умѣли любить любовью о Христѣ. Дочинѣ мнѣ кажется, что одна только сестра Ольга начинаетъ меня любить такою любовью. Зато и радость наша при встрѣчѣ съ нею будетъ велика взаимно“ (Неаполь генв. 25 д. 1847 г.).

А въ одномъ изъ писемъ къ Ольгѣ Васильевнѣ поэтъ прямо говоритъ, что ему особенно пріятно писать къ ней, потому что она уже возлюбила Бога выше всего на свѣтѣ, и далѣе называетъ ее „точно“ своею сестрой.

Да и дѣйствительно, въ характерѣ Ольги Васильевны и до настоящаго времени сохранились черты, которыя рѣзко отличаютъ ее среди современныхъ, своекорыстныхъ людей. Образъ нѣжно любимаго брата всегда стоитъ передъ глазами ея и какъ-бы руководить ею во всѣхъ дѣлахъ.

Родилась О. В. 1825 г. 19 марта (ровно черезъ 16 лѣтъ послѣ поэта, который родился 19 марта 1809 года); она была въ семьѣ двѣнадцатой, поэтому рожденіе ея не составило особеннаго торжества, о чемъ она сама говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „конечно, какъ я была у матери двѣнадцатымъ ребенкомъ, то ей не было такой радости, какъ при рожденіи старшихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что отецъ мой былъ боленъ и не жилъ при ней, а въ Кибенцахъ (Кагарлыкѣ?) кievской губерніи у министра Трощинскаго; тамъ онъ лѣчился, тамъ онъ и умеръ. Воображаю горе моей матери, когда черезъ двѣ недѣли послѣ родовъ привезли тѣло моего отца и похоронили въ оградѣ за церковью¹⁾... Что было съ нею, я не знаю, но, по рассказамъ, она была такъ убита, что ничего не хотѣла ѣсть и ей насильно разжимали зубы и вливали бульонъ. При ней находились ея отецъ и мать и ея любимая тетка, у которой она воспитывалась“...²⁾

Такимъ образомъ уже съ первыхъ дней жизни надъ ея колыбелью слышались стоны и рыданья, которыя не прекращались долгое время. Да и вообще дѣтскіе годы О. В. были печальны: до пяти лѣтъ она не могла ходить, а съ этого времени она помнитъ свои первые шаги, когда ей при-

¹⁾ Могила отца Гоголя находится въ Васильевкѣ за церковью, тамъ же погребена и мать. На памятникѣ надпись: Василій Афанасьевичъ (род. 1777 и сконч. 1825 года) и супруга его Марья Ивановна (род. 1791 и скончалась 1868 г.) Гоголь. Миръ праху вашему.

²⁾ Приведемъ имена всѣхъ дѣтей: Николай, Андрей, Дмитрій, Иванъ (послѣдніе трое умерли въ дѣтствѣ), Марія, Анна, опять Анна, Елизавета, Татьяна, Ольга; двое-же родились мертвыми.

ходилось держаться за стѣну и стулья, падать часто и больно, вызывая мало сочувствія у приставленной къ ней простой деревенской дѣвушки... Дальнѣйшая жизнь шла однообразно, какъ обыкновенно протекали годы помѣщичьихъ дѣтей того времени, къ чему, впрочемъ, присоединилось одно непріятное обстоятельство, именно глухота, вслѣдствіе которой домашнее образованіе шло медленно; вѣзало лишь въ память настойчивое изученіе грамоты: буквы азъ-ба, вѣди азъ-ва и т. д., надъ которымъ трудились долго и малоуспѣшно. Кромѣ грамоты учили также языкамъ и музыкѣ, и у О. В. были замѣтны музыкальныя способности. Это послѣднее обстоятельство составляло едва-ли не единственную радость за всѣ дѣтскіе и юные годы... Вокругъ всѣ твердятъ о томъ, какой это несчастный ребенокъ, какъ ему суждено страдать всю жизнь, а ребенокъ старался забыть отъ этой гнетущей болтовни въ незатѣйливыхъ пьесахъ, какія удалось ей усвоить отъ учителя музыки, который самъ игралъ по слуху...

Уже минуло Ольгѣ Васильевнѣ 10 лѣтъ, когда пріѣхалъ изъ Петербурга Николай Васильевичъ, съ цѣлью взять свою меньшую сестру для опредѣленія въ институтъ; но этому не суждено было исполниться: оказалось, что, при своей глухотѣ, О. В. была также лишена способности запоминать прочитанное—что отняло у нея возможность быть опредѣленной въ институтъ. Интересенъ разсказъ самой О. В. о томъ, какъ позѣ лично желалъ убѣдиться въ ея неспособности къ обученію наукамъ. Полагая, что старшія сестры говорятъ о неспособности своей меньшей сестры лишь для того, чтобы не заниматься съ нею, Гоголь самъ задалъ ей французскій урокъ, чтобы О. В. выучила его до обѣда... „До самаго обѣда учила я, не переставая, но когда братъ меня спросилъ—я не знала ни слова; онъ думалъ, что я лѣнюсь, и оставилъ меня безъ обѣда, но и къ вечернему чаю я знала только одно или два слова.“

Послѣ этого братъ убѣдился, что у меня не было способностей къ наукамъ, и сказалъ матери: „Воспитывайте ее сами“... Вскорѣ послѣ этого Гоголь уѣхалъ, а О. В. осталась дома на попеченіи матери. Къ 16-ти лѣтамъ организмъ О. В. окрѣпъ, открылась память и музыкальныя способности развились еще болѣе. Она съ увлеченіемъ играла всякую пьесу, какая попадалась ей подъ руки, и даже впоследствии Н. В. съ удовольствіемъ слушалъ ее, замѣчая, что она играетъ лучше другихъ сестеръ, обучавшихся въ институтѣ... Вообще Н. В. любилъ музыку, любилъ пѣніе, его душа была чутка ко всякому музыкальному звуку, и, слушая пьесу или

пѣсню, онѣ уносился всѣмъ своимъ существомъ въ поэтическія грезы и мечтанья... Пригласить, бывало, старика-лирика, усадить его на крылечкѣ дома, угостить, накормить и попросить спѣть про старину... Плачетъ кобза, дрожитъ старческій голосъ пѣвца, а поэтъ слушаетъ его, опершись о перила, и рисуются передъ нимъ образы былого могучаго козачества... Но вдругъ старикъ обрываетъ свою думу на полусловѣ, крикнетъ и легкимъ переборомъ начнетъ „жартовливу“ пѣсню... да такъ ушкварить, что еле усидишь на мѣстѣ... Куда дѣлась старческая дряхлость, откуда взялся огонь въ очахъ, еще недавно тускло глядѣвшихъ изъ-подъ нависшихъ бровей!.. Этотъ-то контрастъ малорусской пѣсни особенно нравился поэту, и о немъ онѣ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ. А по вечерамъ Ольга Васильевна садилась за рояль, раскрывала „Сборникъ малороссійскихъ пѣсень“ и начинала играть. Н. В. былъ постояннымъ и внимательнымъ слушателемъ; иногда онѣ поддѣлывалъ тихимъ теноркомъ или-же, притопывая въ тактъ ногой, громко говорилъ сестрѣ: „живѣ, живѣ, громче, вотъ такъ, вотъ такъ!“ И послушные пальцы, бѣгая по клавишамъ, наигрывали „Метельцу“, или какую-либо иную любимую пѣсню. А такихъ пѣсень было много, потому что всѣ онѣ близки были душѣ поэта. Не даромъ онѣ съ такимъ энтузіазмомъ говоритъ о нихъ: „Моя радость! жизнь моя! пѣсни! какъ я васъ люблю! что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я роюсь, передъ этими звонкими живыми лѣтописями“... (Изъ письма Максимовичу 9 Ноября 1833 г.). Но, какъ истинный поборникъ труда и дѣятельности, онѣ старался и другимъ внушить идею необходимости работать.

„Всякій человѣкъ долженъ быть полезенъ другимъ“—говорилъ онѣ своей сестрѣ, и въ лицѣ Ольги Васильевны онѣ нашелъ самую вѣрную послѣдовательницу его взглядовъ, вся жизнь которой основана на этомъ принципѣ. Гоголь съ удовольствіемъ узналъ, что его сестра посвятила свои досуги лѣченію людей; онѣ просилъ ее приложить все стараніе къ этому дѣлу, присылалъ ей часто деньги, лѣчебники, а лѣтомъ, находясь въ Васильевкѣ, принималъ участіе въ собираніи травъ, кореньевъ и всякихъ растений, полезныхъ въ медицинѣ.

Сохранился даже гербарій съ засушенными цвѣтами, тщательно собранный самимъ поэтомъ; на первой страницѣ написано „Дрокъ, когда бѣшеная собака укуситъ“. Точно также у Ольги Васильевны хранятся присланные поэтомъ лѣчебники, которыми отчасти руководствуется О. В. и въ

настоящее время... Интересно также, что мѣстные представители медицинскаго міра относятся сочувственно къ дѣятельности Ольги Васильевны, потому что О. В. всегда готова принять отъ нихъ тотъ или иной совѣтъ, воспользоваться тѣмъ или инымъ средствомъ, а главное, что сама она относится съ уваженіемъ къ ученымъ людямъ и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ всегда прибѣгаетъ къ совѣту и помощи врача.—Въ такой полезной дѣятельности прошли многіе годы, и всегда Н. В. служилъ большою матеріальной и нравственной поддержкой для своей сестры; но когда смерть унесла ея любимаго брата, а нашего любимаго поэта, то горю О. В. не было границъ... День и ночь она проводила въ молитвѣ, или за чтеніемъ Евангелія, которое, по завѣщанію брата, всегда находилось у нея на столѣ; многіе видѣли въ ней даже признаки меланхоліи, но поѣздка въ Кіевъ и горячая молитва, подкрѣпляемая высокой вѣрой, нѣсколько облегчила горе. Вскорѣ послѣ этого О. В. вышла замужъ за пожилого человѣка, Головню. Десять лѣтъ супружеской жизни были для О. В. большимъ свѣтлымъ явленіемъ на общемъ темномъ фонѣ: въ эти годы О. В. забыла о тяжеломъ для нея недостаткѣ—глухотѣ, такъ какъ мужъ ея старался говорить всегда громко, чтобы его слова были слышны Ольгѣ Васильевнѣ. Но смерть мужа снова повергла О. В. въ глубокую печаль, и только въ сынѣ своемъ она видѣла утѣшеніе... „Человѣкъ не можетъ жить безъ любви: я сперва любила брата всею душою; послѣ его смерти любовь свою я перенесла на мужа, а послѣ смерти мужа, я всю свою любовь перенесла на моего сына, Васю,“—такъ говоритъ Ольга Васильевна, забывая, что есть еще высшая любовь—любовь ко всѣмъ страдающимъ, измученнымъ, больнымъ, которой посвящена вся ея жизнь, „А нѣтъ на свѣтѣ больше той любви, когда человѣкъ полагаетъ свою душу за друзей своихъ“.

Такимъ образомъ, личность Ольги Васильевны, такъ тѣсно связанная съ именемъ ея великаго брата, для насъ дорога еще и потому, что въ ней осуществился идеалъ того человѣка, о которомъ мечтали самъ Гоголь.

Въ заключеніе скажемъ о предметахъ, находящихся въ Васильевкѣ, и такъ или иначе связанныхъ съ именемъ поэта.

Слѣдуетъ замѣтить вообще, что такихъ предметовъ сравнительно немного: Гоголь жилъ по большей части внѣ своей родины, да и вообще онъ велъ жизнь кочевую, переселяясь изъ Петербурга въ Италію или Германію, заѣзжая по временамъ въ Москву и лишь изрѣдка посѣщая родной уголокъ. Въ этомъ-то и заключается причина, почему Гоголевскихъ ре-

ликвѣй такъ мало; но среди этихъ немногихъ заключаются предметы, въ высшей степени интересные по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ, свято хранимымъ въ родной семьѣ. Мы уже говорили о паркѣ, разведенномъ самимъ поэтомъ, о загадочномъ холмѣ, насыпанномъ въ саду, о роищѣхъ возлѣ церкви—„балабайкѣ“; скажемъ еще, что тамъ-же въ саду есть любимая поэтомъ кленовая аллея, разросшіяся вѣтви которой, сплетаясь между собою, закрываютъ небо... При взглядѣ на широкіе кленовые листья, вспоминается характерное сравненіе, данное имъ нашимъ поэтомъ: лапы-листы... Вообще весь садъ и паркъ, при приближеніи къ нему со стороны Полтавы, представляетъ ту картину, которая такъ художественно набросана нашимъ поэтомъ въ „Мертвыхъ душахъ“. Этотъ садъ Плюшкина, „съ трепетнолистными куполами“, въ особенности красивъ въ осеннее время, когда природа въ послѣдній разъ одѣвается въ разноцвѣтный пестрый нарядъ, поражая взоры своими чудными сочетаньями. Не такъ ли и украинская дивчина передъ вѣнцомъ одѣваетъ красныя, зеленыя и желто-горячія ленты, пеструю плахту и красные черевички, чтобы черезъ два-три дня сбросить все это, со всею дѣвическою красою, съ радостями беззаботной и веселой юности... Придетъ зима, и отъ красоты природы не останется и слѣда: лишь голыя вѣтви уныло качаются, колеблемыя холоднымъ вѣтромъ. Что подъ впечатлѣніемъ этого сада Гоголь описываетъ старый, заглухшій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, живописный въ своемъ картинномъ запустѣніи садъ Плюшкина, можно убѣдиться изъ того, что многіе еще помнятъ ту старую березу, лишенную верхушки, бѣлый колоссальный стволъ которой, по словамъ самого поэта, подымался изъ зеленой гущи, какъ правильная мраморная сверкающая колонна, которая составляла украшеніе Плюшкинскаго сада. Еще Кулишъ видѣлъ эту березу, и она живо ему напоминала то-же, о чемъ онъ говоритъ въ своихъ запискахъ о жизни Гоголя. Такимъ образомъ мы видимъ, какую роль играетъ родная природа въ художественныхъ картинахъ, созданныхъ перомъ поэта. Точно также и живописный прудъ отразился въ произведеніяхъ его: когда смотришь на эту гладкую поверхность воды, съ купающимися въ ней звѣздочками и царицей ночи—луною, съ нависшими густыми деревьями, бросающими какую-то таинственную тѣнь,—чувствуешь, что гдѣ-то, когда-то, еще въ дѣтствѣ ты видѣлъ эту картину, и она осталась у тебя въ памяти... Ассоціаціи вызываютъ одно представленіе за другимъ, и вотъ, наконецъ, встаетъ передъ глазами такая-же точно картина изъ „Майской ночи“... Да, это она: тѣ же воды, тѣ же деревья, и та же чарующая

„Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца“, кн. XVI, в. 1—3, отд. V.

таинственность! Да и откуда же, какъ не изъ родного уголка брать живыя, готовые картины для поэтическихъ сказаній о родной-же Украинѣ! Италія прекрасна въ своемъ родѣ, а сырой Петербургъ не блещетъ красотою юга.

Въ новомъ домѣ, какъ память о поэтѣ, сохранилась дверь съ цвѣтными стеклами въ венеціанскомъ стилѣ, сдѣланная по рисунку самого Гоголя; ¹⁾ тамъ-же находится конторка, на которой писалъ онъ 2-й томъ „Мертвыхъ душъ“. Изъ предметовъ, принадлежавшихъ Гоголю, кромѣ довольно значительнаго количества книгъ, хранящихся отчасти у Головки, а отчасти у г. Быкова, едва-ли не самымъ интереснымъ являются часы. Это небольшіе открытые, съ платиновымъ циферблатомъ и длинной золотой цѣпочкой, золотые часы, хранящіеся у г. Быкова. Исторія этихъ часовъ очень интересна, и съ ними связано воспоминаніе о трехъ великихъ русскихъ поэтахъ, Пушкинѣ, Жуковскомъ и Гоголѣ; они какъ-бы объединяютъ этотъ триумвиратъ, и могутъ фигурировать какъ интересный предметъ, связанный съ именемъ каждаго изъ этихъ поэтовъ...

Извѣстно, что Жуковскій имѣлъ большое нравственное вліяніе на Гоголя; онъ любилъ его, какъ любилъ и Пушкина, и въ отношеніяхъ ихъ замѣчается какое-то удивительно гармоничное единеніе, подобно отношеніямъ старика-отца къ взрослому и любимому сыну. Онъ любилъ веселость Гоголя, прощалъ его шутки, шалости, чѣмъ нашъ поэтъ иногда пользовался. Однажды—это было во Франкфуртѣ, весною 1838 г.—въ кабинетъ къ Жуковскому зашелъ Гоголь; тамъ, кромѣ Жуковского находился также графъ А. Толстой. Разговаривая со своимъ другомъ, Гоголь обратилъ вниманіе на карманные золотые часы съ цѣпочкой, висѣвшіе на стѣнѣ...—Чьи это часы?—спросилъ онъ.—Мои, отвѣчалъ Жуковскій.—Ахъ, часы Жуковского!.. Никогда съ ними не разстанусь!—и съ этими словами Гоголь надѣлъ цѣпочку на шею, положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій долженъ былъ отказаться отъ своей собственности... ²⁾ А между тѣмъ эта вещь была очень дорога Жуковскому, какъ воспоминаніе о недавно погибшемъ его другѣ и нашемъ гениальномъ поэтѣ Пушкинѣ.

Жуковскій находился у постели умирающаго Пушкина; онъ былъ его утѣшителемъ въ послѣднія минуты жизни, онъ принялъ отъ него послѣднія

¹⁾ Одинъ изъ такихъ рисунковъ приложенъ къ настоящей книгѣ.

²⁾ См. у Кулиша ч. I, стр. 231. Это сообщеніе подтверждается также мемуарами сестры Н. В. Гоголя—О. В. Головки, рассказъ которой мы дальше и излагаемъ.

слова и послѣдній вздохъ. Пушкинъ скончался на глазахъ Жуковского. Тогда поэтъ, которому суждено было слышать послѣднія слова этой ужасной трагедіи: „Жизнь кончена!“, взялъ со стола принадлежавшіе Пушкину часы, остановилъ ихъ на моментъ смерти поэта и сохранилъ ихъ себѣ, какъ память о такомъ горестномъ и печальномъ событіи.

Съ этими часами Гоголь тамъ никогда не разставался; но они такъ и оставались незаведенными на минутъ смерти Пушкина. Дальнѣйшая исторія ихъ, по воспоминаніямъ Ольги Васильевны, такова: пріѣхавъ въ Васильевку, Гоголь передалъ эти часы Ольгѣ Васильевнѣ на сохраненіе и просилъ беречь ихъ, какъ зѣницу ока, при чемъ рассказалъ исторію часовъ... „Помни, что эти часы Жуковский взялъ у Пушкина, когда онъ умеръ. Они показываютъ часъ смерти его“. Ольга Васильевна бережно хранила ихъ, но впоследствии они перешли къ Н. В. Быкову, у которого находятся и въ настоящее время. Они попрежнему стоятъ незаведенными, но показываютъ время иное, чѣмъ то, когда скончался Пушкинъ: онъ скончался въ 2 часа и $\frac{3}{4}$ пополудни, а на нихъ стрѣлки показываютъ 10 ч. 2 минуты. Очевидно, кто-нибудь пробовалъ ихъ заводить и перевелъ стрѣлку на другой часъ.

У Н. В. Быкова находится нѣсколько предметовъ, связанныхъ съ именемъ поэта, но, къ великому сожалѣнію, владѣлецъ не нашелъ возможнымъ препроводить ихъ на Гоголевскую выставку въ Кіевъ.

Имѣется оригинальный портретъ Гоголя, писанный Моллеромъ, на которомъ поэтъ изображенъ съ такимъ поразительнымъ сходствомъ, что, разсказываютъ, будто сама мать поэта, Марія Ивановна, приняла однажды портретъ за живое лицо; кромѣ этого портрета, писаннаго масляными красками, есть еще довольно обширная, хотя и неполная коллекція портретовъ-гравюръ. Тамъ-же есть и картина „Вознесеніе Господне“, гравированная Іорданомъ. Эту картину поэтъ въ послѣдній періодъ жизни рекомендовалъ приобретать всѣмъ, чтобы поддержать молодого и талантливаго художника.

Изъ рукописей у Н. В. Быкова сохранилось 2 рисунка изъ „Ревизора“, сдѣланныхъ собственноручно Гоголемъ (впрочемъ, они уже были напечатаны при полныхъ собраніяхъ сочиненій Гоголя, и, надо сказать, съ поразительной точностью ¹⁾).

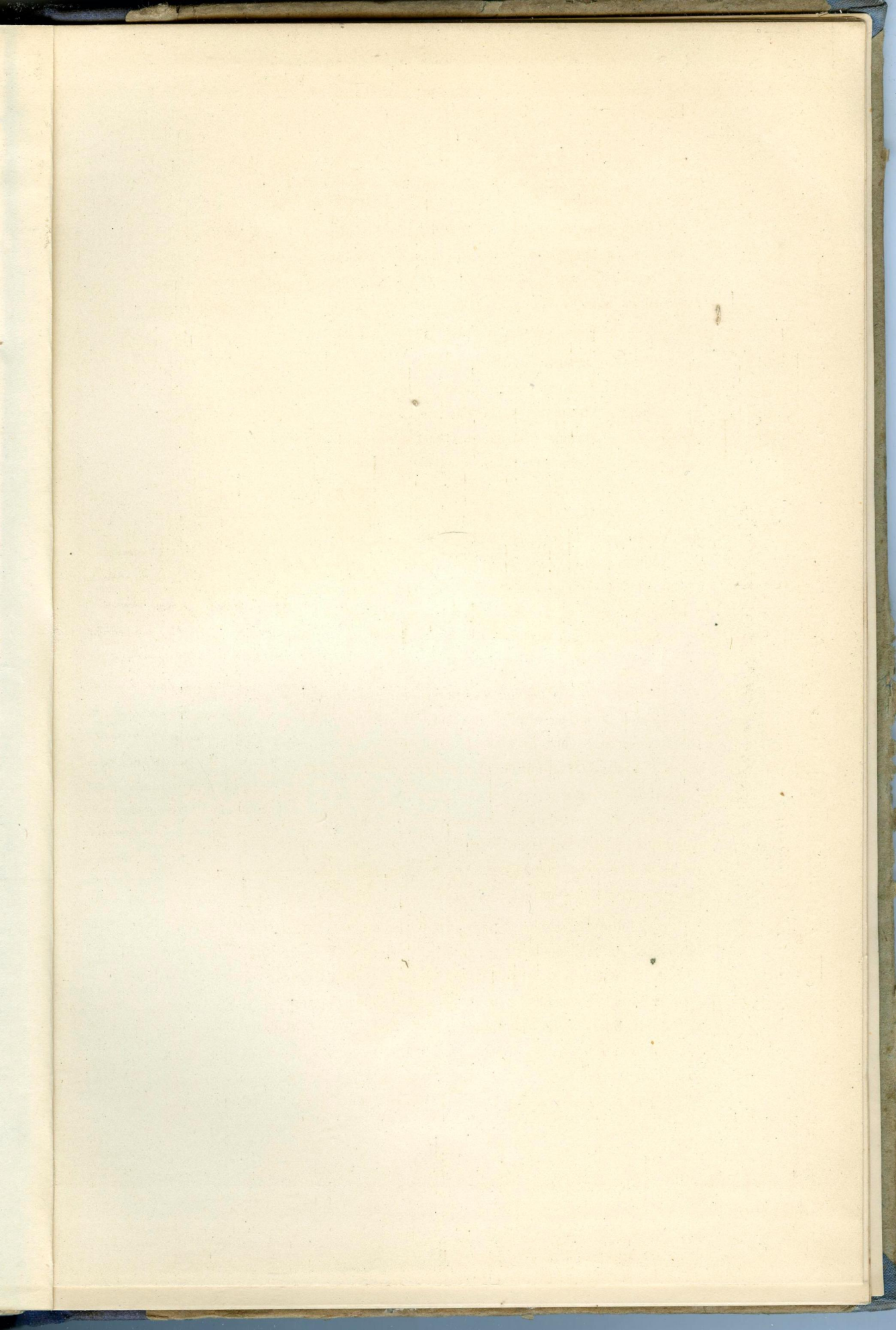
¹⁾ Подробный перечень предметовъ, находящихся у г. Быкова, приводитъ г. Гиляровскій въ Русской Мысли (январь 1902 г.).

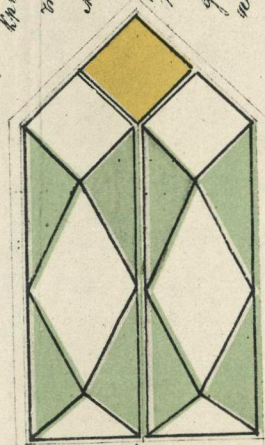
Показываютъ также красный бархатный жилетъ поэта, фракъ и цилиндръ. Но въ виду того, что исторія каждаго изъ этихъ предметовъ неясна, и подлинность ихъ нѣкоторыми изъ родственниковъ оспаривается, мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что значенія въ литературномъ отношеніи, или въ какомъ-либо другомъ, они не имѣютъ...

Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи предметы, находящіеся у сестры поэта, О. В. Головки. Здѣсь мы встрѣтили цѣлую серію писемъ Гоголя къ матери. Любопытенъ также и гербарій, о которомъ мы уже упоминали, картины, разрисованныя поэтомъ, рисунокъ ковра (килим-ка), сдѣланный для крестьянъ; по этому узору дѣлались ковры, изъ которыхъ одинъ сохранился и до настоящаго времени; цѣлая серія портретовъ современныхъ Гоголю литературныхъ дѣятелей, привезенная поэтомъ въ Васильевку и украшавшая стѣны его небольшой квартиры во флигелѣ; здѣсь мы видимъ Погодина, Свинына, кн. Вяземскаго, Жуковскаго и др.; интересна также гравюра съ картины Брюллова „Разрушеніе Помпей“, о которой, какъ извѣстно, Гоголь написалъ цѣлую статью, а также и фотографическій снимокъ съ той же Рафаэлевой картины, гравированной Иорданомъ, „Вознесеніе Господне“.

Въ научно-литературномъ отношеніи немалый интересъ представляетъ довольно объемистая тетрадь извлеченій изъ твореній Св. отцовъ и учителей церкви, писемъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, современниковъ поэта и мн. др. Эта книжечка представляетъ точную копію, сдѣланную Ольгой Васильевной съ такой же тетрадки, написанной рукой самого поэта, но въ настоящее время утраченной... Въ виду того, что нѣкоторыя мѣста ея очень близко подходятъ къ мыслямъ Гоголя въ разсужденіи о божественной литургіи, научное изслѣдованіе ея представляется въ высшей степени любопытнымъ.

Общій отдѣлъ могутъ занимать религіозныя реликвіи, въ особенности связанныя съ посѣщеніемъ Іерусалима: пальмовая трость съ кипарисовой ручкой, пріобрѣтенная поэтомъ въ Святой землѣ и затѣмъ привезенная въ подарокъ сестрѣ; перламутровый ящикъ съ изображеніемъ Благовѣщенія Пр. Дѣвы Маріи, нѣкогда наполненный маленькими крестиками, предназначенными для раздачи народу; священное мыло изъ Іерусалимскаго храма, съ печатью Соломона на одной сторонѣ и пальмовой вѣтвью на другой, образки, иконки и пр.; кромѣ того большой тѣльный крестъ—скла-

См. 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1918, 1919, 1920, 1921, 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931, 1932, 1933, 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939, 1940, 1941, 1942, 1943, 1944, 1945, 1946, 1947, 1948, 1949, 1950, 1951, 1952, 1953, 1954, 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1962, 1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, 1991, 1992, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569

Крестовъ, в сѣв. вѣдѣніи

Abraham who drew upon

will be made known

Handwritten text: *Handwritten text, possibly a signature or name, written vertically.*

Wm. H. O'Brien

gemma emendata. m. 1685

неоцѣлѣна фабрика, про-

accusar in meum. Repetant

на ижица / в. лавка. в. и.

...to the ...

the above is a copy of the original
document and is a true and correct
copy of the original.

no emend' verbuo m. d. i. m. a. n. o. q. d. c. u. l. l. i. s.

поприслуживало сѣбѣ къ благоу

расширено стела и.к.к.к.к.

und der selb. Dornen, der selb. ne-

101201 Vent. Semal. 8. 09 11 11 11 11.

Переложимъ въ пере-
писаніи предла-
гаемые мѣры, дабы
~~жизнь~~ величій
милости и въ сохране-
ніи ея Крахотъ.

Окна в боковом помещении в Троицкой и Спасской

Свѣтопечатъ С. В. Кульженко. Кіевъ.

Рисунокъ Н. В. Гоголя, приложенный къ письму матери изъ Нѣжина (около 1827 года).

день, снятый съ умершаго поэта и пересланный вмѣстѣ съ другими предметами въ Васильевку.

Драгоценную фамиліную реликвию составляетъ плоское широкое золотое кольцо, обложенное съ внѣшней стороны заплетенными въ косичку каштановыми, съ золотистымъ отливомъ, волосами Гоголя. Эта реликвія, какъ святыня, бережно хранилась у сестры поэта, всегда напоминая ей объ утраченномъ нѣжно-любимомъ братѣ. Замѣтимъ ксати, что всѣ эти интересныя реликвіи, находившіяся у Ольги Васильевны, представлены ею для Гоголевской выставки въ университетѣ св. Владиміра, за что, конечно, мы глубоко признательны многоуважаемой Ольгѣ Васильевнѣ.

Но кромѣ этихъ предметовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ личности поэта, въ Васильевкѣ у О. В. оказалась цѣлая сокровищница, заключающаяся въ фамиліномъ архивѣ, состоящемъ изъ документовъ, грамотъ, переписки, дѣловыхъ актовъ и т. п.¹⁾

Многое изъ находящагося здѣсь играло извѣстную роль въ творчествѣ Гоголя, предлагая интересный сырой матеріалъ, которымъ несомнѣнно пользовался Н. В. Гоголь въ своихъ произведеніяхъ, рисующихъ былое Малороссіи и козачества...

Между прочимъ, интересное дѣло о куплѣ крестьянской семьи „великороссійской породы“, оказавшейся воровскою и безнравственной; изъ-за этой купли-продажи произошла ссора между Василиемъ Аванасевичемъ (отцомъ поэта) и его сосѣдомъ Грибовскимъ, бывшими до того времени въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ тонѣ ихъ писемъ и исковыхъ прошеній чувствуется канва, по которой такъ художественно набросана знаменитая ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

А сколько тамъ старины, той самой дѣдовской старины, которую такъ любилъ Гоголь и о которой отзывался съ восхищеніемъ!

Пересматривая эти старинныя бумаги, мы имѣли счастье найти среди нихъ еще одно очень интересное письмо Н. В. Гоголя къ матери изъ Нѣжина, относящееся къ послѣднему году пребыванія его въ гимназіи высшихъ наукъ; тамъ же найдены отрывки изъ сочиненій отца Гоголя и письма многихъ интересныхъ лицъ, близко стоявшихъ къ Гоголю-отцу и его семейству.

¹⁾ Г. Гиляровскій говоритъ о нихъ, какъ о не имѣющихъ значенія и использованныхъ г. Кулишомъ. Такое замѣчаніе совершенно ошибочно и объясняется тѣмъ, что авторъ только слышалъ о нихъ, а не видѣлъ, такъ какъ въ то время они, вмѣстѣ со многими другими предметами, находились уже у насъ.

Съ богатымъ матеріаломъ, выѣхалъ я изъ Васильевки, безконечно признательный такъ любезно принявшей меня семьѣ Головни, во главѣ съ Ольгою Васильевной, которая подарила столь много интереснаго, связаннаго съ именемъ ея любимаго брата... А въ душѣ своей я уносилъ обновленный образъ поэта, просвѣтленный новыми воспоминаніями о немъ, какъ о человѣкѣ... Нуждался-ли этотъ образъ въ пресвѣтленіи? Долженъ признаться, что—да! На свѣтломъ обликѣ любимаго поэта, темнымъ, неяснымъ представлялось мнѣ одно, это отношенія его къ меньшому, забытому и забитому брату... Не повторяя этихъ печальныхъ фразъ, смутившихъ въ свое время лучшихъ людей русскаго общества, я лишь скажу, что эти слова неволью затемняли дорогой образъ! Не діалектикой, не ухищреніями слова можно было опровергать ихъ значеніе, а болѣе глубокимъ знакомствомъ съ душой поэта, съ его дѣлами... Здѣсь-то, на родинѣ, предо мною предсталъ иной человѣкъ... Его отношенія къ крестьянину полны любви и состраданія; въ каждомъ фактѣ замѣтны онѣ, и факты эти въ свою очередь просвѣтляютъ именно то, что нужно въ просвѣтленіи. И тотъ, кто скорбѣлъ о горестяхъ меньшаго брата, кто заботился о его нравственномъ развитіи на почвѣ высшей евангельской морали, не можетъ быть названъ иначе, какъ другомъ народа.

И этотъ почетный титулъ принадлежитъ ему по праву.

В. Чаговецъ.